Естественная история

ДРАКОНОВ

Мемуары леди Трент

МАРИ БРЕННАН

Иллюстратор Тодд Локвуд

В ОБИТЕЛИ КРЫЛЬЕВ

Мари Бреннан

Мемуары леди Трент: В Обители Крыльев

Серия «Естественная история драконов», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43445940
М. Бреннан. В Обители Крыльев: Мемуары леди Трент: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114060-1

Аннотация

«В Обители Крыльев» – пятая, заключительная часть увлекательных «Мемуаров леди Трент», созданных Мари Бреннан.

Минуло более четырех десятилетий (и, кстати, столько же томов), и, вероятно, вы уже хорошо знаете Изабеллу, леди Трент, выдающуюся натуралистку, персону весьма одиозную, благодаря окружению и героическим подвигам снискавшую скандальную известность, вполне сравнимую с всемирной славой первооткрывательницы, внесшей неоценимый вклад в науку драконоведения.

Теперь, после первых своих приключений в горах Выштраны, после экспедиции в раздираемую войнами Эригу, после кругосветного плавания на борту «Василиска», после раскаленных ахиатских песков, леди Трент покорила немало сердец и энергичных умов. В этом, заключительном, томе серии она наконец-то поведает нам всю правду о самой нашумевшей из своих авантюр – о путешествии к сердцу высочайших гор мира, укрытому далеко в глубине территории заклятых врагов Ширландии, и о том, что обнаружила там – в Обители Крыльев.

Содержание

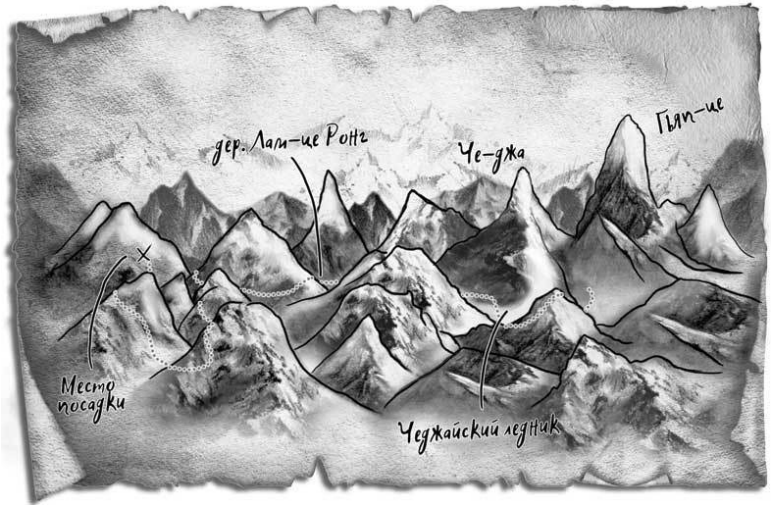
Предисловие 8
Часть первая 11
Глава первая 12
Глава вторая 40
Глава третья 53
Глава четвертая 74
Часть вторая 96
Глава пятая 97
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Мари Бреннан
В Обители Крыльев: Мемуары леди Трент

Marie Brennan
Within the Sanctuary of Wings

© 2017 by Bryn Neuenschwander. All rights reserved
Cover and interior art © Todd Lockwood
© Д. А. Старков, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *


дер. Лам-це Ронг
Че-джа
Гьяп-це
Место посадки
Чеджайский ледник

Йелань
Орендж
Лептанг
Тьен–го
Кафтлай
Цер–Нга
Пар–ые
То–кха
Видвата
Котранагар
Альхидра

Предисловие

Работа над последним томом собственных мемуаров внушает крайне странные чувства. Нет, книга сия не станет хроникой окончания моей жизни – я, слава богу, пока жива и даже настолько крепка, что надеюсь прожить в счастье и радости еще немало лет. Не станет она и хроникой завершения моей научной карьеры: со времени описываемых здесь событий я сделала еще немало и кое-чем из сделанного весьма горжусь.

Однако, подозреваю, все последующее неизбежно разочарует читателя. В последние десятилетия жизнь моя, по сравнению с предшествовавшими годами, сделалась крайне размеренной. Горького опыта – кот наплакал, слухи о моей личной жизни давным-давно утратили свежесть, и… да, я очень горда тем, что сумела узнать об особенностях пищеварения так называемых «драконов-метеоров», обитающих в северной части Отоле, однако вряд ли это способно заинтересовать кого-либо, кроме специалистов-драконоведов (каковые, конечно же, могут утолить профессиональное любопытство, обратившись к моим научным работам). Одним словом, эта книга не завершит повести о моей жизни, но послужит финалом истории о том, как интерес к драконам привел меня к череде открытий, благодаря которым я прославилась на весь мир.

Должно быть, читателям, уже знакомым с развязкой данной истории, я покажусь на этих страницах ужасной тупицей и тугодумкой. Что ж, считайте меня кем-то сродни нашим предкам, твердо верившим, что солнце вращается вокруг земли: подобно им, я могла строить свои суждения только на наблюдаемых фактах, а наблюдения многие годы не складывались в полную картину. Не отыскав последних кусочков мозаики, я не могла увидеть целого, а поиски эти потребовали немалых усилий (не говоря уж о риске для здоровья и жизни). Здесь, на этих страницах, я пытаюсь воссоздать мир в том виде, каким он выглядел для меня в те дни, не позволяя себе слишком уж расцвечивать его современными знаниями. Пользуясь случаем, прошу прощения за неизбежные упущения и неточности, порожденные сим обстоятельством.

Однако не стоит забегать вперед. Прежде чем мы достигнем конца моего путешествия, рассказать предстоит о многом: о достижениях научного прогресса того времени, о различных конфликтах, известных под общим названием «воздушная война», и о судьбоносной встрече, подтолкнувшей меня к головокружительным высотам Мритьяхаймских гор. Надеюсь, мои слова окажутся способны передать вам хотя бы четверть пережитого мной изумления, восторга, а может, и толику ужаса. В конце концов, как узнать, чего стоит монета, не видя обеих ее сторон?

Изабелла, леди Трент

Касселтуэйт, Линшир,
10 вентиса, 5662 г.

Часть первая

в которой мемуаристка обзаводится весьма неожиданным союзником

Глава первая

Жизнь леди – Лекция в Кэффри-холле – Ученица мужа – О полноте наших знаний – Теория Сухайла – Гость из-за границы

Вряд ли для вас окажется новостью, что члены сословия пэров отнюдь не всегда отличаются благонравием. Возвысившись до их положения, я вполне могла бы удариться в разгул и начать проматывать свое состояние самыми разными способами, от безоговорочно респектабельных до совершенно им противоположных. Могла бы окунуться в жизнь высшего света, проводить дни в визитах в гостиные других леди, сплетничая о модах и очередных скандалах. А будь я мужчиной, могла бы окунуться в политику и попытаться занять место в окружении кого-либо из более влиятельных лиц.

Думаю, немногие из читателей будут удивлены, услышав, что от всего этого я воздержалась. Я никогда не питала склонности к азартным играм (особенно на собственные деньги), моды и скандалы нахожу крайне скучными, а ввязываться в политику стараюсь как можно меньше.

Конечно, это не означает, что я устранилась от подобных материй целиком. Точнее сказать, тут имел место некоторый самообман: преследовать определенные цели, рассуждала я,

это ведь вовсе никакая не политика! Правда, я поддерживала своим именем и авторитетом Люси Деверье, многие годы неустанно боровшуюся за избирательные права для женщин, и тут уж я не вправе делать вид, будто мотивы сего к политике отношения не имели. Имя мое к тому времени обрело определенный вес, и моя поддержка могла послужить значительным подспорьем. В конце концов, разве не я была знаменитой леди Трент, дамой, выигравшей Баталию при Кеонге? Разве не я во главе собственной армии явилась под стены Пойнт-Мириам, когда в Байембе вторглись иквунде? Разве не я раскрыла секреты драконианского языка, не поддававшегося расшифровке со времен упадка сей древней империи?

Ответом на все эти вопросы, конечно же, было «нет». Расхожие описания моей жизни всегда сверкали так ярко, что совершенно затмевали реальность. Однако, памятуя о сем обстоятельстве, я чувствовала себя обязанной использовать его, где и когда смогу.

Но, безусловно, во всех остальных случаях я пользовалась им только во благо науке. Например, помогла основать в Фальчестере «Женскую школу Трент», где ученицам преподавали не только обычные для девочек музыку и литературу, но и математику, и ряд прочих точных наук. Когда в Меррифордском университете начали защищать первые диссертации в области драконоведения, я с радостью учредила для избравших эту стезю стипендию своего имени, а кроме это-

го поддерживала деньгами и иной помощью Международное Общество Драконоведов – результат работы, начатой нами с сэром Томасом Уикером в поместье Дар аль-Таннанин близ Курата. Не столь официально я также поощряла рост Летучего Университета, пока он не оплел паутиной дружеских связей и общедоступных библиотек всю Ширландию, поймав в свои сети множество тех, кому не представилось иных возможностей получить образование.

Подобные вещи копятся незаметно, мало-помалу, одна за другой, так что их и не замечаешь, пока они не поглотят всю вашу жизнь без остатка.

Вот и в тот день, когда мне предстояло отправиться на некую лекцию в Кэффри-холле, я снова выбилась из расписания (что сделалось в моей жизни состоянием вполне обычным). Говоря откровенно, единственной причиной тому, что я не пропустила лекции вовсе, послужили недавно купленные часы – феноменально уродливый агрегат, единственным достоинством коего, хотя многие сочтут сие недостатком, являлся невыносимо громкий бой. Бой этот был единственной силой, способной вырвать меня из эпистолярного забытья, поскольку мой дворецкий недавно поступил на военную службу, экономка оставила нас ради заботы о престарелой матери, а с теми, кто пришел им на смену, я еще не состояла в достаточно близких отношениях и полагаться на то, что они выдворят меня из кабинета насильно, не могла.

Однако, когда я сбежала по лестнице вниз, карета была го-

това. Вскоре я уже ехала к Кэффри-холлу, чему была немало рада, так как, пропустив эту лекцию, расстроилась бы до глубины души. В то время я еще не знала, что могла упустить много больше, чем предполагала изначально.

Снаружи собралась такая толпа, что я велела кучеру свернуть за угол, где вышла из кареты и проникла в Кэффри-холл через боковой вход. Таким образом, я оказалась куда ближе к первому порту назначения, то есть – к комнате рядом с главным лекционным залом. Приложив ухо к двери, я услышала за нею негромкое бормотание, означавшее, что тревожить лектора стуком не стоит, а посему тихонько приоткрыла дверь и проскользнула внутрь.

Сухайл расхаживал из угла в угол, сжимая в одной руке стопку бумажных листов, другой же рукой поигрывая концом развязанного галстука, словно углом головного платка. При этом он быстро, негромко бормотал себе под нос – с тем чтобы перед началом лекции, как всегда, в последний раз пробежаться по тезисам. Увидев меня, он остановился и вынул из кармана часы.

– Пора начинать?

– Еще нет, – ответила я. Об этом нетрудно было догадаться по гомону, слышному даже сквозь двери. – А вот я ужасно опоздала. Пришел новый отчет из Дар аль-Таннанина.

Дар аль-Таннанин был штаб-квартирой Международного Общества Драконоведов, а отчет касался работ по разведению медоежек с целью установить пределы лабильности

– то есть, гибкости – развития их организма. Мы с Томом Уикером открыли сие явление совершенно случайно, пытаясь определить, сколь значительные изменения окружающей среды способно выдержать драконье яйцо, не утратив жизнестойкости и не породив на свет дефективную особь. Дальнейшие исследования показали, что речь идет скорее не о дефективности, а о мутациях, каковые (если они удачны) адаптируют новорожденное животное к ожидаемым природным условиям.

Конечно, общепринятой наша теория еще не стала. С подобными теориями такое бывает всегда: даже микробная теория инфекционных заболеваний, спасшая в итоге множество жизней, приживалась в обществе поразительно долгое время. Приписать столь же колоссальное значение своей теории я не могу, однако мало-помалу, поколение за поколением медоежек, работа Общества закладывала фундамент, поколебать коего не удавалось и самым недоверчивым из критиков.

Лицо Сухайла озарилось улыбкой.

– Мне бы сказать, что я удивлен…

– Но это окажется ложью. У них появилась новая идея касательно того, как можно добиться увеличения медоежек в размерах. Я должна была прочесть отчет и подумать, не сумею ли помочь какими-либо рекомендациями. Да, кстати: может, тебе что-то нужно, прежде чем отправишься на съедение волкам?

Сухайл спрятал бумаги в кожаную папку, чтоб не измять их во взмокшей от пота ладони.

– Пожалуй, второго Камня с Великого Порога даже при твоих колоссальных способностях поблизости не найти, а именно это и было бы нужнее всего.

Возможно, вторая такая реликвия где-либо и существовала, но нам и с первой невероятно повезло, так что рассчитывать на подобное везение дважды не стоило. Камень с Великого Порога, на который мне посчастливилось наткнуться в джунглях Мулина, хранил драгоценнейший дар для языковедов – текст-билингву, верхняя часть коего состояла из непостижимых драконианских письмен, но нижняя, написанная на нгару, вполне поддавалась расшифровке. Основываясь на допущении, что содержание обеих частей идентично, мы впервые сумели понять, о чем говорится в драконианской надписи.

Не будучи лингвистом-языковедом, я наивно полагала, что этого довольно, что теперь-то, когда дверь отперта, драконианский язык разом раскроет все свои тайны, словно цветок – лепестки. Но все, конечно же, оказалось не так просто: прочесть надпись на Камне с Великого Порога как подобает мы еще не могли. Мы лишь узнали, что на нем написано, однако помочь в расшифровке других надписей это знание само по себе ничем не могло. Камень являлся всего-навсего первой зацепкой, отправной точкой, и не более того.

Конечно, отправная точка – это было гораздо больше, чем

мы имели прежде, однако она являла собою лишь крохотный плацдарм для поисков следующего шага. Сухайл потянулся к голове, чтоб запустить пальцы в волосы, но вовремя сообразил, что приведет в беспорядок прическу, и опустил руку.

– Без более четкой структуры силлабария[1], – задумчиво проговорил он, – большая часть того, что я имею сказать на сегодня, – только догадки.

– Однако догадки прекрасно обоснованные, – напомнила я, протягивая руки к его галстуку.

В помощи с галстуком муж совершенно не нуждался. Начав одеваться на ширландский манер, он клялся, что не принадлежит к аристократам, неспособным даже самостоятельно завязать галстук, но и затейливых узлов и складок, столь любимых ширландскими денди в те дни, конечно, не жаловал. К тому же это занятие доставляло мне скромную радость. Мне нравилось, складывая ткань, вывязывая узел и закалывая галстук, чувствовать, как вздымается и опадает его грудь.

– Но все равно догадки, – возразил он.

– Если ты ошибаешься, со временем это выяснится: гипотезу опровергнут. Но ты не ошибаешься.

– Все в руках Господа.

Поцеловав меня в лоб, Сухайл отступил назад. Хоть в ширландском сюртуке, хоть в ахиатском узорчатом халате муж выглядел блестяще – особенно в подобные момен-

[1] Слоговая азбука. *Здесь и далее – примеч. пер.*

ты, когда его мысли были заняты академическими материями. Сердца некоторых дам можно завоевать искусством в танцах, сердца других – поэзией или экстравагантными подарками. Думаю, никого не удивит, что мое сердце сразила острота его ума.

Между тем шум в зале нарастал.

– Внушительная же толпа тебя ждет, – заметила я. – Если тебе все равно, я сяду сзади, чтоб остальным было лучше видно.

Сама я и без того любовалась развитием идей Сухайла, так сказать, из личной ложи, ну а сегодня сии идеи должны были всего лишь предстать перед широкой публикой. Учитывая количество собравшихся, я подозревала, что многим придется слушать лекцию стоя, и с радостью уступила бы кресло кому-либо другому, однако, принадлежа к сословию пэров, да еще будучи дамой, знала: из этого ничего не выйдет. Самое лучшее, на что я могла надеяться, – лишить кресла какого-либо крепкого молодого человека, а не престарелого джентльмена, нуждавшегося в сидячем месте много более моего.

Сухайл рассеянно кивнул. Перед выступлениями он всегда становился ужасно рассеян, и я на него не обиделась.

– Тогда взгляну, не требуется ли помощь мисс Пантел, – сказала я, выскальзывая из комнаты.

Снаружи что-то скандировали, причем – в определенно враждебном тоне. Росту интереса к загадкам древних драко-

ниан сопутствовал рост сегулистского фанатизма. Фанатики яростно осуждали новомодное увлечение богопротивным языческим прошлым, а лекция Сухайла, по всей вероятности, должна была распалить их пуще прежнего. По счастью, управляющий Кэффри-холла загодя нанял людей и расставил их у входов, дабы не допустить в зал самых отъявленных скандалистов.

Однако народу в здании и без них собралось немало. Расшифровка Камня с Великого Порога и открытие в глубине ахиатских пустынь Сердца Стражей породили моду на все, связанное с цивилизацией драконианн. О драконианах издавали множество дешевых брошюр сомнительной точности и научной ценности, а драконианские мотивы сделались популярны во всем – от вечерних туалетов до внутреннего убранства гостиных. Не далее как в начале той самой недели, поэт Питер Флиндерс в надежде на одобрение и поощрение прислал мне экземпляр собственной эпической поэмы «Дракониада».

Но даже во времена подобных поветрий сравнительно-историческое языкознание – предмет слишком мудреный, чтобы привлечь внимание такой широкой аудитории, вдобавок (осмелюсь заметить) не обязательно принадлежащей к высшим классам общества. В зале собралось немало людей, коих в силу бедности и низкого происхождения ни за что не допустили бы в священные стены Общества Языковедов, но, судя по серьезным выражениям лиц, в теме они хоть немно-

го да разбирались, и очень хотели узнать нечто новое.

Можете судить сами, насколько изменилось ширландское общество со времен моей молодости: я оказалась отнюдь не единственной дамой среди публики. Даже в скромных дневных нарядах мои сестры по полу ярко выделялись на фоне черных и серых мужских костюмов, и таких ярких пятен в зале имелось гораздо больше, чем я ожидала. Конечно, ученые дамы существовали на свете не первый век; перемены состояли в том, что они вышли на люди, не довольствуясь чтением научных журналов и книг наедине с самими собой либо в узком кругу подруг-единомышленниц.

Одна из подобных дам находилась на сцене и устанавливала на место большой мольберт, предназначавшийся для вывешивания плакатов, иллюстрирующих аргументы Сухайла. Ныне изрядная порция скандальных слухов, в былые времена связанных со мной и Томом Уикером, перешла по наследству к Эрике Пантел с моим мужем: многие люди никак не могли поверить, что мужчина может взять юную девушку в ученицы в буквальном, а не эвфемистическом смысле этого слова. Я уже сбилась со счета, сколько раз собственными ушами слышала намеки на то, что, должно быть, ужасно ревную – ведь годы-то идут, и мне уже под сорок.

Впрочем, беспокойства – по крайней мере, на собственный счет – все это во мне не вызывало: уж я-то знала, насколько эти слухи лживы. Во-первых, Сухайл был ничуть не склонен к интрижкам на стороне, во-вторых, сердце Эри-

ки Пантел безраздельно принадлежало юному офицеру торгового флота. Молодые самозабвенно любили друг друга и были решительно настроены пожениться, как только жених вернется из очередного плавания. В ожидании суженого Эрика предавалась второй своей страсти, а именно – изучению мертвых языков. Ее привязанность к Сухайлу коренилась лишь в его знакомстве с драконианским, и более ни в чем. Я же, сколь бы ни различались наши научные пристрастия, считала мисс Пантел коллегой, спутницей на дороге познания: она чем-то напоминала меня саму в молодости.

– Все в порядке? – спросила я, подойдя к ней.

– Пока – да, – ответила она, бросив многозначительный взгляд в публику.

Да, управляющий Кэффри-холлом старался не допускать в зал явных возмутителей спокойствия, но я не сомневалась: хоть нескольким да удалось проникнуть внутрь. Вдобавок, те, кто явился на лекцию в сугубо научных целях, услышав, что скажет Сухайл, легко могли поддаться гневу.

– Я имела в виду плакаты и прочее в том же роде, – пояснила я.

– Понимаю, – сверкнув улыбкой, ответила мисс Пантел. – Лорд Трент готов?

– Почти. Давайте-ка я вам помогу.

Плакаты, дабы их смогли разглядеть сидящие в задних рядах, были такими большими, что чехол, сшитый для них мисс Пантел, едва не превосходил ее высотой: ростом уче-

ница моего мужа не вышла. Вдвоем мы подтащили чехол к мольберту и расстегнули пряжки. Мисс Пантел позаботилась уложить плакаты так, чтобы они оказались повернуты лицевой стороной к стене, причем первый из них лежал сверху, и посему мы могли не опасаться, что кто-либо сумеет увидеть их раньше времени.

Если, конечно, не поднимется на сцену и не начнет их просматривать.

– Только через мой труп, – заверила меня мисс Пантел, прежде чем я успела сказать хоть слово. – Я буду стеречь.

Стражем более надежным не смог бы стать даже дракон.

– Не думаю, что в этом возникнет надобность, но все равно благодарю вас, – со смехом сказала я. – Если помощь больше не нужна, пойду играть роль хозяйки.

Выражением сим я воспользовалась всего лишь как эвфемизмом. Конечно, нужда научила меня играть роль хозяйки в обычном смысле этого слова, однако я в любой момент предпочла бы официальному званому ужину встречу Летучего Университета. Увы, от определенных обязанностей не избавлены даже баронессы, и если в юности я отвергла бы их как бессмысленные условности, то в зрелые годы начала постигать их ценность. Невзирая на это, истинная цель моего променада по залу и вестибюлю состояла в том, чтобы взять на заметку зрителей, от коих стоило ожидать бед. Особо отметила я некоего магистра, чьего имени здесь не назову. Судя по его прошлым деяниям, он мог бы отыскать причину

для перепалки даже в лекции, не затрагивающей ничего существеннее погоды, а между тем муж вот-вот подкинет ему куда более основательный повод для возмущения.

Когда настал час начинать, я постаралась задержаться в вестибюле как можно дольше, а войдя в зал, обнаружила, что все места заняты. Те, кому не хватило кресел, выстроились вдоль стен. Как и ожидалось, все мои старания незаметно примкнуть к джентльменам у задней стены пошли прахом. Оставалось одно: сесть в кресло, предложенное коллегой чуть старше меня годами, а не почтенным джентльменом за восемьдесят.

После краткой вступительной речи председателя общества с пышным названием «Ассоциация содействия постижению драконианского языка» на сцену под шумные аплодисменты вышел Сухайл. Совершенное нами открытие Сердца Стражей (не говоря уж о нашем браке, стараниями прессы окруженном в глазах общества весьма и весьма романтическим ореолом) принесло ему славу, а дальнейшая научная работа – и общее уважение. Таким образом, столь обширную аудиторию собрал в тот день в Кэффри-холле не только интерес к драконианам.

Лекцию Сухайл начал с краткого изложения того, что удалось установить о языке драконианам наверняка, и того, о чем можно было судить с достаточной долей уверенности. Выступай он перед Обществом Языковедов, в подобных преамбулах не было бы нужды: сей темой прекрасно владели

все члены Общества до одного, поскольку после публикации текстов с Камня ею увлеклись даже те, кто прежде не проявлял к ней ни малейшего интереса. Но, будучи старейшей научной организацией Ширландии, Общество имело удручающую склонность сидеть на научных данных, точно собака на сене, распространяя информацию только среди собственных членов, в виде циркулярных писем, а между тем Сухайл намеревался расширить кругозор общественности в целом. Не стоит забывать: то было время дилетантов, ученых-любителей, и новичок в данной области науки еще мог чисто случайно, не обладая сколь-нибудь систематическими знаниями, наткнуться на мысль колоссальной важности. Поэтому-то Сухайл и адресовал свою лекцию всем без разбору, не пренебрегая даже теми, кто не отличит деепричастия от декольте.

Вначале он рассказал о той части текста, что описывала родословную древних эриганских королей. Она представляла собой немалый интерес для исследователей эриганской истории, но куда больший интерес – для лингвистов, поскольку имена собственные с вероятностью много большей, чем обычные слова, переходят из языка в язык в более-менее неизменном виде. Таким образом, имена королей могли послужить фундаментом, набором слогов, переданных и в драконианской части текста, причем догадаться, где именно находятся эти слоги, было не слишком сложно. Пусть и неполный, в сравнении с прежними знаниями полученный

силлабарий являл собою колоссальный шаг вперед.

Однако, получив представление о произношении драконианских символов, продвинулись мы не так уж далеко. Много ли проку в знании, что данный символ должен читаться как «ка», если мне неизвестно, что означает любое из слов, это самое «ка» содержащих? Вот потому, чтобы двигаться далее, лингвисту необходимо прибегнуть к новой тактике.

В упомянутом описании родословной восемь раз встречается слово «король». И вот Сухайл с соотечественниками начал анализировать частоту, с коей в драконианском тексте встречаются различные группы символов, отыскивая и фиксируя те, что попадаются восемь (и только восемь) раз. Нашли, конечно же, немало, по большей части – благодаря случайным совпадениям, а тут уж судите сами: много ли значит, например, тот факт, что буквосочетание «во» встречается в данном абзаце до слов «в данном» ровно восемь раз? (Тем, кто читает сии мемуары в переводе, по-видимому, придется поверить мне на слово, что подсчет верен.) Однако лингвисты пришли к убеждению, что статистические методы позволили им опознать драконианское слово, означающее «король».

Что касается методов лингвистической дешифровки, все вышеизложенное – лишь кончик драконьего носа, но углубляться в объяснения далее не рискну: во-первых, я быстро исчерпаю свои невеликие познания, а во-вторых, способы

идентификации форм множественного числа существительных и прочая языковедческая магия для понимания дальнейшего ни к чему. Довольно будет упомянуть, что на тот день мы более-менее точно выяснили две вещи: правильное произношение примерно двух пятых драконианского силлабария и жалкую горстку приблизительно реконструированных слов, не все из коих мы могли верно произнести. Да, много более чем раньше, однако от той полноты знаний, на которую рассчитывали, все это пока было прискорбно далеко.

Муж мой, прекрасный лектор, изложил все это публике быстро и доходчиво (надо заметить, последнего качества весьма и весьма не хватает многим ученым), после чего перешел к основной части лекции.

– В идеале, – сказал Сухайл, – продолжая работу, следует полагаться только на прямые доказательства. На одних гипотезах далеко не уедешь: имеющихся данных так мало, что, громоздя одно предположение на другое – тогда как истинность их невозможно ни доказать, ни опровергнуть, – нетрудно соорудить целый замок, совершенно лишенный какого-либо прочного фундамента. Увы, за неимением второго Камня с Великого Порога или новых серьезных открытий, далее остается лишь строить гипотезы и смотреть, что из этого выйдет.

Помня о своей роли, мисс Пантел продемонстрировала публике следующий плакат. На этом был представлен весь

драконианский силлабарий, организованный в виде таблицы, а символы, произношение коих мы установили, были помечены красным. Подобные таблицы – причем самой разной конфигурации – составлялись исследователями не раз и не два: как только что предупредил Сухайл, из имевшихся фактов легко было вылепить великое множество гипотетических форм. Данная, однако ж, была подкреплена не только догадками.

Звучный голос мужа легко разносился по всему залу:

– Перед вами модифицированная версия таблицы, составленной Шакуром ибн Джибраном, основанная на том, что нам известно о произношении расшифрованных драконианских символов. Шакур ибн Джибран отметил общее сходство символов, читающихся как «ка» и «ки», подобие символов «ми» и «му» и так далее. На основании этого он предположил, что всякой начальной согласной соответствует определенный графический шаблон – основа, относительно предсказуемым образом дополняемая знаками огласовки. Сгруппировав символы по основам и знакам огласовки, мы можем предположить, как читаются символы, не входящие в перечисленные на Камне имена собственные.

Конечно, процесс сей был не так прост, как могло показаться по данному описанию. Языки, за исключением разве что фонетического письма «каэганг», разработанного для чиосанского языка около ста лет назад, опрятностью обычно не блещут и, как это ни печально, склонны нарушать соб-

ственные правила на каждом шагу. Да, многие лингвисты согласились с принципом организации символов, разработанным Шакуром ибн Джибраном в общем, но до сих пор оспаривали частности; таким образом, подобных таблиц с различными вариациями на данный момент существовало около полудюжины, и каждая имела своих ярых сторонников. Неудивительно, что в зале поднялся ропот: не видя на плакате своего любимого варианта, джентльмены тут и там недовольно загудели.

Вскоре ропот усилился. Таблица служила нам отправной точкой, позволяла Сухайлу строить дальнейшие предположения, основанные на работе, проделанной его соотечественником. Мисс Пантел явила взорам публики новый плакат – с отпечатанными на нем строками драконианского текста, перемежавшимися буквенной транскрипцией.

– Допустим на минуту, – продолжал муж, – что наше предположение верно. Тогда этот фрагмент, следующий фрагмент текста Камня с Великого Порога, будет читаться, как показано здесь. Но проверить эту гипотезу мы не можем: здесь нет имен собственных, что могли бы послужить нам подсказкой. Верно ли это, не узнать никак… если не развить гипотезу далее.

Взяв в руки длинную указку, Сухайл подчеркнул ею слово из первой строки.

– Если наша таблица верна, эти символы должны произноситься, как «арис». Один из фундаментальных принципов

исторического языкознания гласит: со временем языки меняются, и наречия, на которых говорят в наши дни, могут иметь корни в более древних, ныне вышедших из употребления. Так, тьессинское слово «терре» и мараньонское «тьерра» происходят от спуренского «терра», что означает «земля». Вот и в данном случае мы вполне можем предположить, что это «арис» могло породить лашонское «эрец» и ахиатское «ард», что также означает «земля».

Будь у меня в обычае держать пари с самою собой, в эту минуту я осталась бы в выигрыше: лекционный зал взорвался воплями.

Лингвисты и прежде строили схожие гипотезы, воображая драконианский язык предком самых различных языков современности, в том числе и ахиатского, и лашона. В конце концов, именно в пустынях Южной Антиопы, по всей вероятности, и зародилась эта древняя цивилизация. Однако общественное мнение ратовало за то, что драконианский язык лингвистически умер, не оставив наследников: ведь драконианe были обособленной этнической группой, правили подданными примерно так же, как Ширландия ныне правит частью Видваты, и после падения драконианской империи язык их исчез навсегда. То был в почти буквальном смысле догмат веры, поскольку все, от ширландских магистров до байтистских священников и аманианских имамов сходились во мнении, будто мы, современные люди, не обязаны сим древним тиранам ровным счетом ничем.

Я загодя советовала Сухайлу сделать после данного заявления паузу, дабы следующие слова не утонули в реве толпы. Так он и сделал, однако пауза затянулась куда сильнее, чем мы ожидали. Наконец он решил не дожидаться тишины и продолжил, возвысив голос так, чтобы его расслышали сквозь гомон публики. Рассуждения его не ограничивались единственным примером: он полагал, что сумел отыскать немало слов, родственных современным, и теперь методически связывал их со словами из ахиатского, лашона, сегара и прочих хорошо известных лингвистам древних языков, ныне вышедших из употребления. Все это были, как он сказал мне, только догадки: за неимением лучшего варианта, ему оставалось лишь в порядке рабочих гипотез увязывать драконианские глоссы с возможными их толкованиями из текста на нгару, а затем – снова в порядке гипотез – распространять свои предположения на другие образчики драконианской письменности. На одной табличке, найденной в Ишнаце и, по-видимому, представлявшей собой нечто вроде податного реестра, Сухайлу удалось отыскать слова, могущие означать «овца», «корова», «зерно» и тому подобное.

Каждый отдельный пример несложно было раскритиковать и разгромить подчистую. Однако, собранные вместе, они складывались в весьма осмысленную – по крайней мере, на мой взгляд – теорию. Впрочем, я-то не лингвист, а в тот день на лекцию явилось немало джентльменов, претендовавших на сие звание по праву и вполне готовых не согласиться

с Сухайлом.

Услышав за спиной разговор на повышенных тонах, я поначалу решила, что спор идет о предмете лекции. Упомянутый выше магистр, сидевший в десяти рядах впереди меня, уже вскочил на ноги, чтоб заявить о несогласии с мужем как можно громче – возможно, к явлениям того же рода относился и шум за спиной. Однако, обернувшись, я увидела в дверях кучку людей, смотревших вовсе не на сцену, а друг на друга.

Не затевают же они ссору на почве исторического языкознания? Впрочем, проведя столько времени среди ученых, я знала, что академические конфликты и кулачная драка связаны меж собой куда теснее, чем принято считать. Поднявшись с места, я отправилась посмотреть, не удастся ли разрядить обстановку, прежде чем дело дойдет до кулаков.

Как выяснилось, спор у дверей не имел к Сухайловой лекции ни малейшего отношения. Того, кто находился в центре кучки, с места было не разглядеть; теперь же, подойдя ближе, я смогла заглянуть за плечи остальных. Окруженный был одет на североантиопейский манер и коротко стрижен, однако никакое платье не могло изменить черт его лица. Человек этот был йеланцем.

На первый взгляд ничего ужасно странного в том, что йеланец пришел посетить публичную лекцию в Фальчестере, быть не могло. С тех самых пор, как морская торговля с дальними странами стала явлением распространенным, моряков

и прочих иммигрантов со всего света, не исключая и йеланцев, можно было встретить в любом ширландском порту. Но во время той лекции все мы находились во власти событий, окрещенных газетами «воздушной войной против Йеланя»: наши и вражеские целигеры[2] маневрировали по всему земному шару, занимая удобные позиции, и обе стороны то и дело сталкивались лбами в незначительных стычках, грозивших перерасти в полномасштабную войну. Посему йеланцев в Фальчестере не жаловали, вне зависимости от того, давно ли они перестали считать Йеланскую империю родиной.

Более того, постоянные читатели сих мемуаров знают, что я сама не раз ссорилась с ними – когда была выдворена из Ва-Хина, когда угнала один из их целигеров на Кеонгских островах и наконец, когда йеланцы устроили организованное вредительство, дабы помешать нашей работе в Дар аль-Таннанине. Все эти факты также были в то время общеизвестны, и посему джентльмены у дверей, увидев йеланца, явившегося на лекцию моего мужа, немедля заподозрили его в самых недобрых намерениях.

По счастью, вскочивший с места магистр еще не угомонился, а кто-то неподалеку, также вскочив на ноги, изо всех сил старался его перекричать. Не желая привлекать к инциденту у входа излишнего внимания, я негромко сказала:

– Джентльмены, предлагаю перенести разговор в вестибюль. Не стоит мешать лекции.

---

[2] От лат. caelum («небо; воздух; атмосфера») + gerō («нести; держать»).

Да, в известности есть определенные преимущества. Меня тут же узнали, и это убедило бдительных граждан прислушаться к моему предложению (точнее, кое-как замаскированному под оное распоряжению) со всем надлежащим вниманием. Один из них толкнул плечом дверь, и мы вышли в относительно тихий и безлюдный вестибюль.

– Ну, а теперь, – продолжала я, как только дверь за нами затворилась, – будьте любезны объяснить, в чем проблема.

– В нем, – отвечал самый рослый из ширландцев, указав подбородком в сторону иноземца. Ростом он превосходил йеланца на целую голову, чем и воспользовался, дабы угрожающе нависнуть над ним. – Уж не знаю, что он задумал и ради чего сюда пожаловал…

– Не пробовали ли вы спросить его об этом?

Последовала недолгая пауза.

– Ну да, спрашивали, – признался другой. – Говорит, лекцию пришел послушать.

– Этак всякий может сказать, – презрительно ухмыльнулся рослый. – Но это ж не обязательно правда.

– Но и не обязательно ложь, – возразила я.

Сознаться откровенно, я уже в тот момент заподозрила, что дело не так-то просто. Заезжий йеланец, хоть и изо всех сил старался сохранить равнодушный вид, явно узнал меня. Казалось бы, ну, узнал и узнал (как уже говорилось, известностью я пользовалась немалой), но что-то в его поведении внушало подозрения, будто на самом деле в Кэффри-холл он

явился не ради лекции, а по мою душу.

Посему, когда я заговорила с ним, тон мой был довольно резок:

– Как вас зовут?

– Фу Пим-лат, леди Трент, – с сильным акцентом ответил йеланец.

Таким образом, притворяться, будто не узнает меня, он и не думал. Впрочем, в сложившихся обстоятельствах никто из нас в это бы не поверил.

– Давно ли вы в Ширландии?

– Три недели.

Сердце так и затрепетало в груди. Возможно, вы сочтете сию реакцию глупой – не стану спорить, однако некогда мне уже пришлось оказаться лицом к лицу с йеланцем, вознамерившимся меня убить, и так просто забыть этого я не могла. Окажись Фу Пим-лат давним фальчестерским жителем, я сумела бы убедить себя, что он не опасен. Но если он только недавно прибыл…

Я решила продолжить расспросы.

– Возможно, вы, мистер Фу, и пришли на лекцию, но я сомневаюсь, что цель ваша – исключительно научный интерес. Скажите, чего вы надеетесь добиться?

Йеланец повел взглядом из стороны в сторону, приглядываясь к столпившимся вокруг. Те, кто его задержал, придвинулись почти вплотную, явно готовые заслонить меня собой, вздумай только мистер Фу сделать в мою сторону хоть шаг.

– Ах, оставьте, – сказала я не столько им, сколько самой себе. Испытывать страх посреди родного города мне было вовсе не по душе, тем более что и повод для страха столь незначителен. – Желай он мне дурного, мог бы добиться цели куда проще, а не являться за этим в общественный лекционный зал.

Например, напасть на улице, появившись из толпы так, что я и не замечу. Удар по затылку короткой дубинкой, налитой свинцом, нож под ребро… нет, глупо, глупо. Йеланцы угрожали мне только тогда, когда я сама угрожала им, исследуя драконов их родины либо пытаясь выращивать и разводить собственных для Королевских Вооруженных Сил. Причин покушаться на меня посреди ширландской столицы у них не имелось… если только я, сама того не ведая, не нажила среди них личного врага. А даже если и так, представьте, как бы они после этого выглядели перед судом общественного мнения!

Судя по всему, ширландцев это ни в чем не убедило, но, подавив собственные страхи, мне удалось внушить мистеру Фу, что опасаться ему нечего.

– Я хотел встретиться с вами, – невероятно медленно ответил он. Причину этой медлительности я поняла позже: его ширландский был далек от совершенства, и он хотел убедиться, что не допустит в грамматике или выборе слов ошибок, из-за которых его могут превратно понять. – У меня есть новости. Думаю, вы будете рады их слышать.

– Новости можно сообщить письмом, – заметила я. – Или явившись с визитом в мой фальчестерский дом – адрес тайны не составляет. Зачем приходить для этого на публичную лекцию?

– Разве меня пустили бы в ваш дом, приди я в гости? – спросил он. – Ну, а письмо… прочел бы его хоть кто-нибудь?

– Да, иначе слугам пришлось бы за это ответить. Они наняты не затем, чтоб принимать подобные решения от моего имени.

– О, – покачал головой мистер Фу, разобравшись в моих словах. – Но как бы вы об этом узнали?

Я отмела его опасения небрежным взмахом руки.

– Очевидно, с подобным обхождением вы в моем доме не сталкивались, иначе уже упомянули бы об этом. Не будем тратить времени на домыслы. Что за известия вы столь решительно настроены мне сообщить?

Как часто я сама оказывалась на месте мистера Фу, спотыкаясь о трудности языков, коими почти не владела! Быстрота моей речи и витиеватость фразы оставили его в полном недоумении.

– Ваши новости, – пояснила я, видя непонимание в его взгляде. – Вы отыскали меня, так говорите же, что хотели сказать.

Мистер Фу вновь покосился на джентльменов, придвинувшихся к нему почти вплотную.

– Дракон, – наконец сказал он. – Тело дракона. Неизвестной мне породы. Возможно, в наши дни вымершей.

Сердце снова затрепетало в груди – на сей раз не от иррационального страха, а от возбуждения. «Неизвестной породы… возможно, в наши дни вымершей». Вымершая разновидность… Я разъезжала по свету, писала ученым из доброй дюжины стран, разыскивая хоть какие-то сведения о драконах, созданных драконианами тысячи лет назад! Неужели этому человеку удалось отыскать именно то, что ищу я?

Маловероятно, однако… Даже если его находка относилась к какой-то иной ныне вымершей породе, это было крайне интересно.

– Где?

– В горах, – ответил мистер Фу. – Я расскажу.

Глава вторая

У меня дома – Мритьяхаймы – Болотные тела и мохнатые мамонты – Гьям-су – Моя поддержка

С продолжением дискуссии о вымерших разновидностях драконов пришлось подождать. Вестибюль Кэффри-холла не слишком-то подходил для подобных бесед, особенно в присутствии фаланги чрезмерно усердных телохранителей, готовых в любую минуту выгнать мистера Фу взашей. К тому же языковой барьер значительно затруднял его попытки объясниться, а с помощью Сухайла это вышло бы куда быстрее и проще.

Заверив мистера Фу, что мой лакей и не подумает воспрепятствовать визиту, я пригласила его навестить наш дом в тот же вечер. Кроме этого, я поинтересовалась именами задержавших его джентльменов – якобы с тем, чтобы как следует отблагодарить их за помощь, но также и ради гарантии его безопасности. Когда мистер Фу удалился, я обратилась к ним и предупредила:

– Если он не придет ко мне вечером живым и здоровым, я буду крайне недовольна.

Вполне возможно, они и не замышляли ничего дурного, однако я рассудила, что предостеречь их на всякий случай не помешает.

Когда я вернулась в зал, лекция Сухайла, как и ожидалось, переросла в публичные дебаты. Спор бушевал, пока владелец зала не выдворил нас из его пределов, после чего некоторое время продолжался на улице: с десяток самых упрямых коллег окружили мужа и никак не желали его отпускать.

– Спасибо, – с облегчением сказал Сухайл после того, как я протолкалась к нему и заявила о своих преимущественных правах на персону мужа. – Уверен, по собственной воле они не остановились бы до завтрашнего утра.

– Надеюсь, ты не слишком устал, – заметила я. – Полагаю, сегодня нас ждет интересный вечер.

Рассказ о Фу Пим-лате Сухайл слушал с нарастающим изумлением, а стоило мне закончить, сказал:

– Ну, не он первый заявляет, будто открыл неизвестную прежде породу – драконианскую или нет.

– О, я и сама настроена весьма скептически, – заверила я. – Однако мне любопытно. Если все это – действительно некий йеланский заговор против меня, задумано просто прекрасно. Отпустить мистера Фу, не расспросив его подробнее, я не могу.

Задержка предоставила мне время связаться с Томом Уикером, и через пару часов, когда гость наконец-то явился, мы ждали его втроем. Во время ожидания прибывший раньше гостя Том не давал мне покоя вопросами:

– Что он имел в виду под «телом дракона»? Скелет или свежий труп? В каких горах? Чем его находка так отличается

от современных пород?

– Я говорила с ним всего пять минут, и половину этого времени потратила на разбирательства с не в меру ретивыми заступниками, – не без раздражения отвечала я. – Дождитесь его, а там уж и расспрашивайте, сколько душа пожелает.

Судя по поведению мистера Фу по прибытии, именно такого допроса, коему вскоре подвергся, он и ожидал. Я по возможности постаралась успокоить его, представив мужу и Тому и предложив чего-нибудь выпить, однако от чая и бренди он решительно отказался, а на краешке кресла устроился так, словно стоит ему расслабиться – и на его запястьях тут же сомкнутся стальные оковы, таящиеся в подлокотниках.

– Мой муж немного говорит по-йелански, хоть и не слишком бегло, – сказала я. – Надеюсь, этого вкупе с вашим знанием ширландского хватит, чтобы составить внятное объяснение. Ну, а теперь расскажите нам все, что знаете.

Дабы не испытывать терпения читателей сверх необходимого, в сих мемуарах я не раз сглаживала неуклюжесть собственных разговоров на иных языках, и здесь окажу ту же услугу мистеру Фу, опустив множество заминок и переговоров по-йелански, коими перемежалась его ширландская речь, а также эпизодические ошибки в грамматике и выборе слов. Помимо всего остального, в йеланском языке множество диалектов, причем тот, которым владел Сухайл, не был родным для мистера Фу. Однако оба говорили на нем достаточно бегло, чтоб понимать друг друга, хоть и не без

затруднений.

– Я нашел тело дракона, – сказал мистер Фу. – Точнее, часть тела. Многого недоставало, но найденного было довольно, чтобы понять: эта порода мне незнакома.

– Вы – натуралист, и посему хорошо знакомы с различными видами драконов?

Мистер Фу покачал головой.

– Нет, леди Трент. Но я не раз бывал в этих горах и знаю драконов, которые там обитают. Этот ни к одной из знакомых мне пород не принадлежал.

Том сдвинул брови. Расспросы нередко приносят куда больше плодов, если один из расспрашивающих ведет себя самым скептическим образом, в то время как другой более доверчив, однако, боюсь, в тот вечер и я, и Том приняли роли скептиков с самого начала.

– Возможно, это не горная разновидность, – предположил Том.

– Возможно. Но тогда что он мог там делать?

– Где «там»? – уточнила я. – Что это за горы?

– Мритьяхаймы.

Его ответ лишил меня дара речи. Мритьяхаймские горы – одно из крупнейших геологических образований дайцзинского континента. Состоящие из множества примыкающих друг к другу хребтов, они превосходят размерами все, что называется «горами» в иных частях света. Если картографы не ошибаются в измерениях, в данном регионе находятся все

пятнадцать высочайших пиков мира, и каждый – более восьми тысяч метров в высоту.

Народы Дайцзина слагали о Мритьяхаймах легенды, а с возникновением и развитием нового вида спорта – скалолазания – они приобрели широкую известность и в Антиопе. Первые скалолазы довольствовались испытанием собственных сил в восхождениях на более скромные пики Выштранских гор либо Нетсьязов, что в Бульскево, но по мере покорения этих вершин самые амбициозные спортсмены устремили взоры в сторону Дайцзина и Мритьяхайм. Никто даже не знал, возможно ли подняться на восьмитысячеметровый пик: сможет ли человек выжить там, на такой высоте? (В наши дни мы полагаем это возможным, однако покорить подобную вершину пока не удалось никому.)

Для интереса к Мритьяхаймам имелись и иные причины. Объединенные данным названием горные хребты тянутся почти от самого северного побережья Дайцзина далеко в глубь материка, рассекая континент почти напополам. К востоку от Мритьяхайм лежит Видвата, к западу же – Йелань. В Видвате Ширландия имела немало колониальных владений, и две мировые державы многие годы испепеляли друг дружку взглядами через почти непреодолимую преграду гор.

Я покопалась в памяти в поисках того, что знала о разновидностях драконов Мритьяхайм. Знаний обнаружилось прискорбно мало: сей регион был очень далек и труднодоступен, отчего основная часть сведений о нем поступала из

источников, к науке отношения не имевших. Источники эти описывали все что угодно – от маленьких котоподобных драконов, якобы содержащихся при дворах жителей высокогорных равнин в виде домашних животных, до демонических чудищ, сплошь состоящих изо льда.

– Опишите, что вы видели. Труп был свежим?

Мистер Фу покачал головой.

– Нет. Не знаю, давно ли этот зверь погиб, но, должно быть, не меньше года назад. Или даже больше.

Могла ли драконья кость в местных геологических условиях сохраниться естественным путем? Об этом я могла только гадать.

– Как вы, осмотрев один только скелет, смогли убедиться, что перед вами дракон неизвестной породы?

– Это был не скелет, – ответил мистер Фу. – Костей не было вовсе. Только мясо и шкура.

Тут в разговоре возникла ужасно долгая пауза. Мы с Томом не сомневались, что здесь какая-то ошибка в переводе, однако Сухайл, расспросив мистера Фу по-йелански, внезапно выругался и, перейдя на ширландский, воскликнул:

– Как болотное тело!

– Что? – переспросила я, сбитая с толку сильнее прежнего.

Сухайл поспешил объяснить. В древних культурах Уэйна и некоторых областей Хойваара существовал обычай приносить в жертву людей, удушая их и погружая тела в торфяные болота. Кислоты, выделяемые торфяным мхом, есте-

ственным образом консервировали плоть, предохраняя мягкие ткани от разложения, однако вода вымывала из костей кальций и растворяла их, пока от тела, по выражению Сухайла, не оставался лишь «осклизлый бескостный мешок».

Нечто подобное произошло и с образчиком, обнаруженным Фу Пим-латом, хотя и по совершенно иным причинам. Кости погибшего существа давным-давно распались, что свойственно драконам любых пород. Тело же, находясь высоко в Мритьяхаймских горах, после смерти замерзло, что и предохранило его от гниения.

– В вечной мерзлоте Сиоре находили мамонтов, – заметил Том. – Тоже очень похожий случай.

– Наполовину мамонт, наполовину болотное тело, – пробормотала я.

Перспектива выглядела просто завораживающей. Палеонтологи – ученые, изучающие организмы, существовавшие в прошлом и сохранившиеся только в виде ископаемых останков, – привыкли работать, имея под рукой одни лишь скелеты. В нашей научной области доступный для изучения скелет – редкая удача, и потому происхождение видов драконов представляло собой почти неразрешимую загадку. Некоторые теории на сей счет имелись, но открытие лабильности развития обратило их в прах. Фактов было столь мало, что сохранившиеся мягкие ткани казались настоящим чудом.

Но когда я спросила мистера Фу, где его находка теперь, он с грустью покачал головой.

– У меня ее больше нет, – ответил он. – Думаю, тело замерзло над нижней границей вечных снегов, а после лавина унесла его ниже, в долину, где не так холодно. К тому времени, как я отыскал его, большая часть разложилась либо была съедена падальщиками.

– Большая часть, – подчеркнула я. – Но что-то, очевидно, сохранилось, иначе вы не явились бы ко мне уверять, что тело принадлежит дракону неизвестной породы.

– Да. Голова, шея и кое-что ниже, сильно истерзанное и деформированное. Я отнес то, что нашел, в наш лагерь, но… – Мистер Фу беспомощно развел руками. – Сохранить находку было невозможно. Однако я зарисовал все, что смог.

– В ваш лагерь? – переспросил Том, прежде чем я успела ухватиться за слово «зарисовал». Продолжая хмуриться, он забарабанил кончиком пальца по колену. – Сколько вас было? Где именно это произошло? И что вы, скажите на милость, там делали?

Тон его был еще холоднее, чем мой, и вовсе не без причины: если меня размышления о драконах тут же унесли ввысь, то Том твердо стоял обеими ногами на грешной земле. Самой восточной областью Йеланя являлся Кафтлай, нагорная равнина к западу от Мритьяхаймских гор. На сами горы йеланцы не претендовали – по крайней мере, до сих пор. Что же там могла делать йеланская экспедиция?

Мистер Фу не спешил с ответом. Переглянувшись с Сухайлом, я увидела, что тот также немало встревожен. Нако-

нец мистер Фу кивнул, будто подводя итог некоего мысленного спора, и сказал:

– Мы были горной экспедицией. Исследовали некоторые высоты.

– Другими словами, искали проход через горы, – уточнил Том.

Кровь в моих жилах словно застыла, как лед. Путь через Мритьяхаймы… конечно, ничего невозможного в этом не было. Проходы с запада на восток имелись – просто не так уж много. Горные государства – Цер-нга, Кафтлай, Лептанг и Дрендж – торговали между собой сотни лет, однако главные торговые пути старались держать в секрете от чужеземцев, да к тому же бдительно охраняли их и любую попытку провести через горы армию встретили бы ожесточенным сопротивлением. Йелань искал иные пути, способы незаметно переправить на восток существенные силы и закрепиться в предгорьях, дабы оттуда контролировать целый район.

В Эриге почти ту же самую тактику пытались применить иквунде, вторгшись в Байембе со стороны теоретически неприступных южных границ – болот Мулина.

Совладать с голосом стоило немалых усилий.

– Единственное, что препятствует мне сей же час вышвырнуть вас за порог, – это растерянность. Отчего вы вдруг решили признаться, что вы – йеланский военный разведчик?

– Оттого, что рано или поздно это обнаружится, и, не признавшись, я буду выглядеть бесчестным, – со вздохом отве-

тил мистер Фу. – А еще оттого, что я – не военный разведчик. Да, когда-то я был им. Но больше – нет.

– Почему же?

– Начальство узнало, что я – гьям-су, – пояснил он.

Возможно, мои интересы и принадлежат главным образом научным материям, но не узнать этого названия не могла даже я. Около пятнадцати лет тому назад в Йелане начались внутренние неурядицы в виде революционного движения, стремившегося ниспровергнуть правящую династию Тайсен, царствовавшую без малого три сотни лет, и заменить императора новым претендентом на престол. Движение это называло себя «гьям», что в переводе означает «обновление», а сторонники его назывались «гьям-су».

Как объяснил мистер Фу, военнослужащим он, строго говоря, не являлся. Он был скалолазом, нанятым в помощь топографам, дабы составить более точные карты гор к востоку от Йеланя. И все бы ничего, но мистер Фу снимал с новых карт копии и передавал их своим соратникам, вожди коих были изгнаны из Йеланя после сокрушительного поражения при Дэцзыо. Некто, стоявший выше него в имперской иерархии, обнаружил сей факт, и мистеру Фу едва удалось уйти живым.

Обо всем этом он рассказывал ровно, спокойно, будто о новостях из газет. Многим это могло бы показаться свидетельством фальши, для меня же, напротив, послужило подтверждением правдивости его истории. Этот тон был мне

прекрасно знаком: будучи чем-то глубоко расстроена, я сама прибегала к нему, дабы несколько отстраниться от причины расстройства и не ронять достоинства перед посторонними.

– Теперь я, как видите, в изгнании, – закончил он.

Сердце защемило от жалости.

– Мне очень жаль это слышать, – абсолютно чистосердечно ответила я.

Нарушить неловкое молчание, воцарившееся после этого, первым решился Том.

– Но зачем вы приехали сюда?

– Из-за леди Трент, – с легким поклоном в мою сторону ответил мистер Фу. – Хотел просить ее о помощи, а взамен предложить то, что мне известно.

– О помощи какого рода? – насторожилась я.

Мистер Фу выпрямил спину и уперся ладонями в колени. Очевидно, дело дошло до самой сути, тогда как все остальное было лишь прелюдией к ней.

– О поддержке. Мы, гьям-су, обратились к вашему правительству, предлагая союз против Тайсен. Но многие, глядя на нас, видят в нас только йеланцев и говорят, что союз между нами невозможен. Вы можете им объяснить. Можете помочь нам добиться цели.

Пожалуй, ответить, не подобрав прежде челюсти, отвисшей до самого пола, было бы затруднительно. Вокруг союза, предлагаемого гьям-су, разгорелись ожесточенные дебаты. Журналы и газеты разделились на два лагеря: на тех,

кто, как и говорил мистер Фу, видел в гьям-су лишь йеланцев, которым нельзя доверять ни на грош, и тех кто сознавал, что гьям-су – противники Тайсен, но не понимал, отчего бы нам попросту не остаться в стороне, предоставив этим двум силам грызться друг с дружкой сколько душа пожелает. В кругах более узких признавали, что вопрос намного сложнее, однако немногие из наделенных реальной властью склонялись оказать гьям-су помощь. Таким образом, мистер Фу был абсолютно прав: гьям-су отчаянно нуждались в поддержке.

С его рассуждениями я не могла согласиться в другом – в том, что моя поддержка принесет гьям-су хоть какую-то пользу. Возможно, я и ввязывалась в политику много чаще, чем хотелось бы – стоит ли делать вид, будто образование для девочек и укрепление международных связей ради блага драконов к политике не относятся? – однако все это не превращало меня в политическую фигуру, с коей следует считаться на дипломатическом фронте.

Пока я собиралась с мыслями, Том вновь принял на себя роль скептика.

– Откуда мы можем знать, что ваши сведения хоть чего-нибудь стоят? Что, если вы собираетесь скормить нам кучу вздора, а мы и не узнаем об этом, пока леди Трент не рискнет ради вас и вашего союза своей репутацией?

– Это не… вздор, – ответил мистер Фу, воспользовавшись новым словом с тихим, спокойным достоинством. – И я ве-

рю, что вы и леди Трент сможете отличить правду от выдумки.

У меня тоже имелся к мистеру Фу вопрос, порожденный не только искренним интересом, но и желанием его испытать.

– Отчего вы полагаете, будто я вам поверю? – спросила я, глядя ему прямо в глаза. – История моих отношений с вашими соотечественниками далека от идиллической.

Ничуть не удивленный, мистер Фу кивнул.

– Да, вы не любите йеланцев, и я это понимаю. Но, говорят, ваш интерес к драконам выше подобных вещей. Надеюсь, это правда.

Что ж, именно так оно и было.

Глава третья

Подозрения политиков – Деяния Джастина Бродмея – Чаепитие с леди Эстонби – Находка мистера Фу – Второй экземпляр

Обратившись к членам Синедриона и обрисовав им положение дел, мы столкнулись с вполне предсказуемым недоверием.

Брат Пол попросту рассмеялся мне в лицо. К нему я обратилась первым делом, так как мы, хоть и не были близки, по крайней мере, поддерживали довольно теплые отношения (мой новый титул в значительной мере способствовал налаживанию отношений с большей частью родных). Он все еще занимал кресло в Открытой Палате Синедриона, и я решила, что с ним договорюсь скорее, чем с любым из тех, с кем знакома лишь по официальным делам.

– Это западня, Изабелла, – сказал он за ужином у меня дома. – Я думал, ты достаточно разумна, чтоб распознать ее сама.

– Западня? С какой целью? – спросила я (боюсь, не сумев должным образом скрыть нетерпения). – Заманить меня в Мритьяхаймские горы и там убить? Святые небеса! Если кто-то намеревается меня убить, на это есть куда менее мудреные способы.

– Что, если тебя собираются не убить, а захватить?

– Да-да, – сухо сказала я. – Ведь захватить меня, выследив в ледяных дебрях высочайших гор в мире, намного проще, чем, скажем, ударив по затылку на улице, по пути к подруге. Кроме того, он – гьям-су, а не сторонник Тайсен. Гьям-су ищут нашей помощи, и нечистая игра вряд ли поможет им достичь цели.

О том, что некоторые члены Синедриона рукоплескали бы гьям-су, если б те меня прикончили, я упоминать не стала.

Пол отложил нож, раздраженно звякнув им о тарелку.

– А какие еще причины могли заставить этих йеланцев обратиться к тебе? Если они уверены, что их информация настолько ценна – с чем я, кстати, ничуть не готов согласиться, – так отчего бы их эмиссарам не предоставить ее Синедриону официально?

Сухайл рассмеялся – не столько из-за веселья, сколько с тем, чтоб разрядить напряженность.

– Да оттого, что они, зная нашу дорогую леди Трент, прекрасно понимают, насколько это хорошая наживка!

Я бросила на него раздраженный взгляд. В ответ Сухайл только пожал плечами.

– Сердце мое, ты же сама знаешь, что это так.

Действительно, наживка уже возымела столь явный эффект, что отрицать его правоту было бы глупо.

– Да, наживка хороша, – признала я. – Но что они могут выиграть, поймав меня на крючок?

– Хотя бы твой голос.

Страна как раз переживала тот самый весьма странный период между принятием Акта о пэрессах и Акта о всеобщем избирательном праве. Первый давал мне, как баронессе, получившей сей титул не по мужу, а за собственные заслуги, право голоса в Закрытой Палате Синедриона: до принятия данного билля занимать мое кресло и голосовать от моего имени полагалось члену семьи мужского пола. (В обычных обстоятельствах это был бы мой муж, но так как другой закон запрещает уроженцам иных стран занимать места в любой из палат Синедриона, пришлось бы искать родственника более дальнего.) Ну, а последний, конечно же, распространял избирательные права на всех женщин, однако в то время я пользовалась крайне странной привилегией вотировать билли Синедриона, но не имела права голосовать на выборах в Открытую Палату данного представительного и законодательного государственного органа.

Однако мой голос вряд ли многого стоил.

– Если дошло до таких разногласий, что один голос может что-то значить, они хватаются за крайне тонкую соломинку.

– У них будет одним голосом больше, чем прежде, – возразил Сухайл. – И я бы на твоем месте не стал себя настолько недооценивать. Если ты выскажешься в их пользу, это возымеет эффект.

Я смерила его холодным взглядом.

– Эффект – да, возымеет. Но позитивный ли – это еще

вопрос.

Таким образом, предприятие мое не заладилось с самого начала, и с течением дней положение не улучшилось. Казалось, гипотеза насчет возможных целей сего предполагаемого заговора имеется буквально у каждого.

– Да он же скармливает нам дезинформацию, – сказал лорд Россмер, встретившись со мной спустя пару дней.

Возможно, читатели его помнят. Бригадир, отправивший нас с Томом в Ахию, он прекрасно знал: ничто на свете не способно побудить меня к действию вернее, чем перспектива новых знаний о драконах.

– Рассказывает сказки о Мритьяхаймах, чтоб сбить с толку наших людей и помешать им отыскать путь через горы на запад, – пояснил он в ответ на мой недоуменный взгляд.

– Так мы тоже ведем там разведку? – с удивлением спросила я.

– Конечно же, ведем. Наши топографы работают в Мритьяхаймах уже два года – якобы для того, чтобы точнее замерить высоту пиков, однако йеланцы прекрасно знают, чем мы там занимаемся на самом деле. Как и мы знаем, что они затевают.

Я сдвинула брови, коснувшись пальцем нижней губы.

– А не докладывал ли кто-нибудь о необычных останках? О трупах, костях…

Пожалуй, взгляд лорда Россмера мог бы превратить живое существо в глыбу льда.

– Наши люди там не ради изучения животного мира, леди Трент. У них имеются иные дела.

Однако Фу Пим-лат уделил находке толику времени… если, конечно, допустить, что он не лжет. Правда, о своей находке он не распространялся, и это просто сводило с ума. Впрочем, неудивительно: помимо знания географии Мритьяхайм, сии сведения были его единственным козырем, предметом торгов, с коим гьям-су не желали расстаться, не получив взамен чего-то существенного. Проговорился он лишь об одном – о том, что данная местность не подходит для вторжения в Йелань, поскольку там перевалить через горы весьма затруднительно.

Это сокращало список возможных мест… примерно до половины невероятно обширной территории. Слишком, слишком обширной. Я вновь попыталась прибегнуть к помощи Пола, на сей раз пристав к нему на светском приеме в саду.

– Мистер Фу уверен: поискав как следует, в этом районе можно найти еще не один образчик. Но если мы будем тянуть, кто-нибудь другой откроет их первым, и столь блестящее научное достижение достанется иной стране. Возможно, даже Йеланю!

Пол только фыркнул в ответ.

– Изабелла, в правительстве это никого не волнует. Новые виды драконов – вещь интересная, но с военной точки зрения бесполезная.

Я подавила желание напомнить, что образцы драконьей кости, обнаруженные нами в Выштране, оказались открытием невероятно полезным – как с военной точки зрения, так и со многих других. Разговор на эту тему принес бы больше вреда, чем пользы.

Невзирая на сию сдержанность, некий член Синедриона (который и в этом томе мемуаров останется безымянным) был достаточно откровенен, чтобы при встрече в вестибюле здания, где проходили заседания Закрытой Палаты, заявить мне в лицо:

– Леди Трент, скажите, бога ради: отчего вы рассчитываете, будто здесь кто-то пойдет вам навстречу? Ведь это по вашей вине нам приходится вести воздушную войну с целигерами полудюжины государств, а не одного Йеланя.

– К действиям мистера Бродмея я никакого отношения не имею! – прорычала я.

Слова эти слетели с языка чисто рефлекторно: произносить их пришлось далеко не впервые.

Мой собеседник крякнул, словно сдерживая куда более вульгарный ответ.

– Вы отрицаете, что это вы его подстрекнули?

– Определенно да! Признаюсь, я не раз выступала против истребления драконов ради их кости, но никогда не разговаривала с мистером Бродмеем лично. А если бы он обратился ко мне и поставил меня в известность о своих планах, непременно бы его отговорила.

По крайней мере, попробовала бы. Но, говоря откровенно, даже сейчас я не знаю, насколько искренней была бы эта гипотетическая попытка остановить его. Наслушавшись моих лекций и начитавшись моих эссе, Джастин Бродмей сумел получить должность на одной из фабрик, производивших синтетическую драконью кость. С заранее обдуманным, как он позже признался суду, намерением разузнать и химический состав сего вещества, и технологию придания ему нужной структуры, после чего распространил собранные сведения по всему миру.

Я не могу даже сказать, будто считаю его неправым. Некогда, в давние-давние времена, я опасалась, что метод консервации, предохранения натуральной драконьей кости от распада, повлечет за собой катастрофические последствия для популяции драконов, поскольку люди начнут истреблять их в погоне за ценным материалом. Посему я вложила все, что могла себе позволить, и даже более, в поиски замены – особенно после того, как метод консервации стал известен в других странах. Однако, когда ширландские ученые наконец разработали синтетический заменитель, я осознала, что это создает новую проблему.

Доступность драконьей кости в любых видах и формах, создаваемых нами по своему усмотрению, послужила толчком к великому множеству дальнейших разработок, не обязательно военного назначения. И другим странам, не желавшим отстать, осталось только одно – добывать ее как можно

больше… из натуральных источников.

Единственным решением этой проблемы могло стать лишь распространение формулы заменителя, столь же глобальное, как и известность методики консервации. Конечно, это не могло исключить конкуренции полностью: теперь все наперебой кинулись добывать необходимое сырье и подстегивать инженеров к разработке новых чудесных машин из нового чудесного материала. Однако назад в бутылку этого джинна было уже не загнать. Открытие методики консервации (а не состояться рано или поздно оно попросту не могло) иного пути, кроме дальнейших разработок этого направления, человечеству не оставляло.

К лучшему или к худшему, а Джастину Бродмею хватило того, чего недоставало мне, – мужества, дабы поступить согласно своим убеждениям. Как следствие, два года назад суд приговорил его к тюремному заключению, в конечном счете продлившемуся без малого десять лет. Если бы не старания моих отзывчивых и юридически подкованных друзей, он ни за что не вышел бы на свободу так быстро.

Думаю, вы понимаете, что весь этот инцидент с Бродмеем поставил меня не в самое удобное положение перед правительством Ее Величества. В конце концов я смогла достичь цели, лишь без зазрения совести воспользовавшись связью, коей мне и иметь-то было не по чину – той давней встречей с самой королевой Мириам.

Нет, второй личной встречи с Ее Величеством я не удосто-

илась. Пусть я и баронесса, но титул сам по себе не обеспечивает влияния, достаточного, чтоб обращаться к монарху, когда только заблагорассудится – тем более что обстоятельства, при коих мы встретились, все еще считались государственной тайной. Вместо этого я встретилась за чаем с леди Эстонби, которую мои читатели могут помнить как «Анну», даму, встреченную мною на острове Лаане в Немирном море вместе с Мириам (в то время еще принцессой).

Беседы за чашкой чая не так уж незначительны, как можно подумать. Получившая титул в замужестве, леди Эстонби не принадлежала к пэрству сама по себе и посему не имела права голоса в Синедрионе, однако в качестве дамы из окружения королевы могла участвовать в политической жизни иными способами. Подобно прочим придворным дамам, выполняя обязанности хозяйки на званых вечерах, она собирала информацию, а политические вопросы решала при помощи денег и обширных дружеских связей (метод, конечно, косвенный, однако отнюдь не лишенный эффективности, да вдобавок позволявший королеве контролировать Синедрион в степени куда большей, нежели прямые).

– Вы полагаете предложение этого человека ценным? – спросила леди Эстонби, как только я объяснила ей ситуацию.

– Да. Я понимаю, что большинство сочтет подобные сведения в лучшем случае незначительными, но уверена: они могут оказаться неоценимым вкладом в область науки, которой я занимаюсь. Конечно, изучение драконов – дело не

столь впечатляющее, как движение войск, однако достижения в этой области заметно поднимут наш престиж в глазах иных стран.

Устремленные на меня глаза леди Эстонби вбирали, впитывали все, но ровным счетом ничего не выдавали.

– Но ради этих сведений вам придется оказать поддержку революционерам гьям-су. Не ожидала от вас такой милости к йеланцам.

Баталию при Кеонге она наблюдала собственными глазами, а об иных моих неприятных столкновениях с йеланцами, по-видимому, была прекрасно осведомлена.

– Я претерпела похищения, угрозы и прочее безобразное обхождение от айвершей, бульских, чиаворцев, йембе, иквунде, кеонган, ахиатов и даже от собственных соотечественников. И, если бы позволила всему этому обескуражить меня, пришлось бы мне стать затворницей, не доверяющей никому на свете.

Ответ был не столько честен, сколько дерзок, однако леди Эстонби почла за лучшее на время оставить сие без внимания.

– В своих публикациях и письмах вы выражаете уверенность, будто драконианне разводили для собственных нужд драконов особой породы. И вы уверены, что найденный в Мритьяхаймах образчик принадлежит к ней?

Теоретически, любая вымершая разновидность представляла немалый интерес для науки, но такое, конечно же, было

бы для палеодраконоведения все равно что находка утраченного Ковчега Завета. Я отлично понимала, что если отвечу «да», шансы на успех существенно возрастут. К несчастью, это было бы неправдой, а убедительно врать я так до сих пор и не научилась.

– Как бы я ни надеялась на лучшее, я в этом сильно сомневаюсь. Да, в нижних пределах Мритьяхайм драконианские поселения имелись, но не на тех высотах, где могут сохраниться мягкие ткани тела. К тому же, хоть мы и обнаружили свидетельства существования этой породы в различных частях света, лабильность развития вряд ли позволила бы выращивать тех же самых животных в столь холодном климате. По крайней мере, без значительных затрат сил.

Несомненно, в глазах леди Эстонби мои колебания и оговорки выглядели притворством. Но, к чести своей, должна заметить: лишь самые искренние побуждения заставили меня продолжить мысль и сказать:

– Вот разве что они разводили не одну породу… Полагаю, это вполне возможно.

Графиня приподняла брови.

– Понимаю. Но все это – не более чем предположения.

– Боюсь, что да. И все же… – Я прикусила губу и подняла взгляд к потолку. – Не помню, находили ли среди мритьяхаймских руин помещения для инкубации. Муж должен знать наверняка. Хотя, конечно, многое зависит от того, какие из них принимать в расчет… поскольку мы еще не зна-

ем, в какой части Мритьяхайм была сделана находка.

Мой энтузиазм исследователя устремился было в горние выси, однако конкретный вопрос, заданный леди Эстонби, тут же вернул меня на землю.

– Что выиграет Ширландия, протянув руку дружбы этим революционерам, помимо новых научных открытий?

Дело было ясным: мои доводы явно не произвели на нее впечатления и вряд ли произведут. Однако сдаться так просто я не могла.

– Они противостоят Тайсен, – смущенно сказала я.

– И, если их восстание продвигается успешно, могут оказаться нам полезными. Да. Но если бы оно продвигалось успешно, они не нуждались бы в нашей помощи. Таким образом, нас просят сделать ставку на то, что им удастся низвергнуть Тайсен.

В долгосрочной перспективе такой исход был бы нам выгоден, поскольку удалил бы со сцены враждебную Ширландии династию, заменив ее той, у коей есть резон видеть в нас друзей. Однако в ближайшем будущем нам предстояло бы выложить для этого немало материальных и человеческих ресурсов, причем без всякой гарантии возмещения… От этакой математики у меня началась мигрень. Нет, я ничуть не возражаю против риска для собственной жизни, но рисковать жизнями наших солдат не согласна – потому-то и старалась всеми силами избегать политики.

Во взгляде леди Эстонби мелькнуло любопытство.

– Забудем на минуту о шансах революционеров на победу и о достигнутых ими успехах. Забудем также и о науке, и о драконах, и об этой находке, которой вы столь очарованы. Говоря только о личных побуждениях, об искренности – о морали, если угодно, – действительно ли вы поддерживаете этот союз?

Когда люди интересуются моим мнением касательно вопросов политики, на деле вопрос следует понимать несколько иначе: поддерживаю ли я ту точку зрения, что им мила, или нет. Но если леди Эстонби и имела в виду нечто подобное, то ничем этого не выдала, и посему я надолго умолкла, надлежащим образом обдумывая ответ.

– Есть в нашем противоборстве с Тайсен некая фальшь, – поразмыслив, сказала я. – Наши державы испытывают друг друга на прочность, так как мы слишком уж схожи: мы так же, как и они, стремимся прибрать к рукам побольше ресурсов и территорий. Мы обвиняем их в ненасытности, и я не удивлюсь, если они со своей стороны обвиняют нас в том же. Но, на мой взгляд, мы вряд ли добьемся мира с Тайсен, а продолжение воздушной войны не пойдет на пользу никому – особенно тем, за чьи земли мы бьемся. Если же к власти придут гьям-су, мы, по крайней мере, сможем покончить с этим конфликтом. Посему – да, я поддерживаю этот союз. – Тут я позволила себе легкую самокритичную улыбку. – Но если вы попросите поклясться, что мои личные интересы на данное мнение никак не влияют, боюсь, я буду вынуждена

отказаться.

Леди Эстонби кивнула, словно приняв решение.

– Итак, леди Трент поддерживает гьям-су. Этим можно воспользоваться.

В последующие недели я не раз имела случай пожалеть о своих словах. Мною действительно воспользовались, причем вполне предсказуемым (не будь я столь потрясающе наивна в делах политики) образом. С учетом истории былой вражды, леди Трент, протянувшая руку дружбы йеланцам, сделалась великолепным символом, причем не в метафорическом, а во вполне буквальном смысле слова: благодаря стараниям леди Эстонби, символическое рукопожатие состоялось во время официальной встречи представителей мятежников-гьям (включая их кандидата в императоры, Гуань Цзи-по) с членами Синедриона. И это, конечно же, было только началом. Пришлось посещать бесконечные дипломатические приемы, улыбаться, вести пустопорожние светские беседы с йеланцами и йеланками, столь же всецело преданными своему делу, как я – изучению драконов. Общего между нами почти не имелось, и вскоре я обнаружила, что вспоминаю рискованные приключения в иных частях света едва ли не с тоской. По крайней мере, в те времена я чувствовала, что занимаюсь своим делом.

В итоге, однако ж, жаловаться мне оказалось не на что: Фу Пим-лат получил вожделенный союз с ширландским правительством, а я – доступ к его записям.

* * *

– И это все? – спросила я, кивнув в сторону небольшого блокнота, лежавшего на столе в моем кабинете.

Мистер Фу виновато пожал плечами.

– Леди Трент, образчик был всего один, и то изодранный в клочья. Многое ли я мог зафиксировать?

Да, он был прав, однако я вопреки всякой логике надеялась на большее. С Сухайлом за левым плечом и с Томом за правым, я открыла блокнот и увидела карандашную зарисовку, изображавшую разлагающееся тело дракона.

По крайней мере, фрагменты оного. Описывая скудость материала для исследований, мистер Фу нимало не преувеличивал. Нам еще повезло, что он отыскал большую часть головы: согласно его предположениям, она освободилась от снега и льда последней, в силу чего и пострадала от более высоких температур и зубов случившихся поблизости падальщиков в наименьшей степени. Рядом обнаружились несколько фрагментов мягких тканей, один из коих мог оказаться частью лапы, да кусок крыла, словно бы оторванный от тела каким-то зверем.

– Или лавиной, – добавил мистер Фу. – Либо до, либо после гибели.

Представив себе такую разрушительную мощь, я не смогла сдержать дрожи. В последние годы я упражнялась в вос-

хождении на горы – отчасти в качестве хобби, но в основном ради закалки перед будущими экспедициями. Выше границы снегов я поднималась всего несколько раз: прошлым летом, когда сын, Джейк, уговорил меня взять его на праздники с собой, а также в компании с исследователями гор мистером и миссис Уинстоу в южной части Нетсьязских гор – и едва не угодила под совсем крохотную (согласно заверениям бульских проводников) снежную лавину. Силу удара, способного отделить крыло от туловища, страшно было даже представить.

– Правильной формой морды это оказаться не может, – заметил Том. – Даже с учетом распада костей черепа.

– Мышечные ткани очень… – Мистер Фу сделал паузу, подыскивая нужное слово. – Сухи и тонки.

– Обезвожены, – подсказала я.

Мистер Фу кивнул.

– Да, обезвожены при заморозке. И, я думаю, голова со временем утратила форму под тяжестью снега.

– С телами замерзших такое случается, – согласился Сухайл. – Например, с той парой, найденной в Нетсьязах тридцать лет назад. Ну, а без поддержки костей эффект, несомненно, будет выражен намного ярче.

При помощи Сухайла Фу перевел нам записи, окружавшие рисунок. Длина головы от кончика носа до затылка составляла около сорока сантиметров, а в высоту, от темени до основания черепа, – около тридцати. Многие зубы отсут-

ствовали, и посему сказать что-либо о зубочелюстной системе было затруднительно. Изображение сохранившихся зубов имелось на следующей странице: несколько передних резцов, один на удивление небольшой клык или «глазной зуб», без особой уверенности отнесенный мистером Фу к нижним, плюс обломок еще одного – возможно, «плотоядного». Впрочем, учитывая отсутствие удерживающих зубы челюстных костей, нам и с этими весьма повезло. Основание шеи располагалось не в задней, а в нижней части черепа, следовательно, шея была направлена скорее вверх, чем вперед. Об общей длине шеи мистер Фу мог лишь догадываться, но полагал, что она, вероятнее всего, довольно коротка.

– Неудивительно, – заметил Том. – В таком холодном климате длинная шея – только лишние потери жизненно важного тепла.

Действительно, шея горного змея много короче и толще шеи пустынного дракона, а ведь Выштранские горы в сравнении с Мритьяхаймами – невзрачные холмики.

– А что скажете о шкуре? – спросила я.

Вместо ответа мистер Фу вынул из кармана небольшой шелковый мешочек, с великой осторожностью развязал стягивавший горловину шнурок и высыпал содержимое на стол.

В мешочке оказалась пара… естественно, чешуек, но совершенно непохожих на все, что я когда-либо видела. Одна, длинная и узкая, судя по размерам, должна была принадлежать животному куда более крупному, чем предполагаемый

обладатель головы; другая же намного уступала ей в величине и правильности формы. Обе имели исключительно блеклый, чуть синеватый оттенок, однако большая отличалась от меньшей темными серыми крапинками. Взяв ее в руки, я постучала по ней ногтем. Звук вышел отчетливым, довольно громким, хотя сама чешуйка была легка.

– Было больше, – сказал мистер Фу. – Остальные конфисковал старший офицер. Эти удалось сохранить только потому, что я спрятал их за подкладкой одежды.

Мы с Томом принялись изводить его вопросами относительно размеров, формы и толщины утраченных, а также мест на теле, откуда была взята сохранившаяся пара. В какой-то момент этого разговора Сухайл с досадой ударил кулаком по столу, что обычно ему было вовсе не свойственно.

– Эх, оказаться бы там самому! Я понимаю, у вас не было времени на поиски, – поспешил он заверить мистера Фу, – но рядом, на земле, могли оказаться другие чешуйки, а то и зубы, не заметные с первого взгляда. Хотя бы увидев, где и как они лежат… мы могли бы судить, насколько тело пострадало от лавины, насколько изъедено падальщиками, и более-менее точно определить, где находились утерянные чешуйки.

Досаду мужа я вполне понимала и разделяла. Более того, разрозненность и скудость фрагментов просто сводила с ума. Я ведь не археолог, привыкший довольствоваться тем немногим, что сочли нужным пощадить неумолимое время и тлен! Мои объекты исследований, как правило, живы или

недавно убиты, и в любом случае не разъяты на части! Ах, если бы в нужный момент мы были рядом и смогли увидеть находку собственными глазами…

Разум еще не довел эту мысль до логического завершения, а я уже поднялась и потянула за шнурок, разворачивая карту мира, висевшую на стене. Голова была занята лишь одним: высотой, температурой, возможными источниками провизии.

– Можете показать, где была сделана находка?

Мистер Фу подошел ко мне.

– А более подробной карты у вас нет?

– Для этого региона – нет. Хотя достать ее я, безусловно, могу.

Склонившись к карте, он пригляделся к темным контурам, изображавшим высоты Мритьяхайм, и по недолгом размышлении ткнул пальцем в бумагу.

– Здесь. Примерно здесь.

Взглянув, куда он указывает, я разом поникла головой.

– Ну да, конечно…

Палец мистера Фу уткнулся в самую глушь Цер-нга, страны, крайне скверно изученной иноземцами. В былые времена Цер-нга посещали и шелухим[3], и посольства различных государств, однако сие королевство периодически закрывало границы, и в данный момент они как раз были закрыты. Неудивительно, что мистер Фу с соотечественниками иссле-

[3] Посланники, апостолы (*ивр.*), здесь – миссионеры.

довали Мритьяхаймы именно там: к западу оттуда тянулись высокогорные равнины Кафтлая, принадлежавшего Йеланю уже более ста лет. Учитывая удаленность и изоляцию Цернга, если йеланцам удастся пересечь там горы, они успеют прочно закрепиться на востоке задолго до того, как вести об этом дойдут до нас.

Вдобавок, добраться туда самостоятельно было весьма и весьма затруднительно.

Только в этот момент я осознала, какие планы начали зреть в голове сами собой, однако говорить о них до поры до времени воздержалась.

– А каков был рельеф местности, где вы обнаружили этот экземпляр? – спросила я мистера Фу. – Вы говорили, он находился выше границы снегов?

– Когда я обнаружил его – нет, – ответил он, вернувшись на свое место и раскрыв блокнот на другой странице.

Как выяснилось позднее, блокнот был не тем же самым, куда мистер Фу занес свои наблюдения изначально. Тот, первый, содержал слишком много иной информации, которой йеланец не желал разглашать. Скопировав все, касавшееся находки, он передал первый блокнот соратникам, гьям-су. Однако среди скопированного имелись кроки неких крайне неприветливых гор и долин между ними.

– Вот, – пояснил мистер Фу, указав кончиком пальца нужное место. – Здесь. Но я полагаю, его принесло туда сверху.

– Шесть тысяч метров, – сказал Сухайл, вглядевшись в

незнакомые мне йеланские цифры, начертанные выше. – Или около того. Если, конечно, я не ошибся с переводом в метрическую систему.

Этими цифрами была помечена высокая седловина, верхняя точка перевала между двух горных пиков. Если мистер Фу был прав, его экземпляр упал на перевал с практически отвесного обрыва примерно семисотметровой высоты.

– Отчего вы полагаете, что изначально он находился здесь? – спросил Том.

– Иначе он не остался бы замороженным, – уверенно ответил мистер Фу. – Долина внизу слишком хорошо укрыта от ветров, и там бывает довольно жарко. А кроме того…

Его запинка не могла бы разжечь мой интерес эффективнее, даже будь она допущена нарочно, именно с этой целью.

– Кроме того? – поторопила его я.

– Я думаю…

Казалось, сомнения хватают каждое его слово за хвост и тянут назад.

– Я думаю, там, наверху, может оказаться еще один.

Глава четвертая

Ищем дорогу в Цер-нга – Отчего мне так нужно туда – Идея Джейка – Генерал-майор Гумбольдт – Строим планы – Еще о Мритьяхаймах – Прощание с Джейком

Пожалуй, в тот момент, как мистер Фу произнес «еще один», судьба моя и была решена.

Да, границы Цер-нга были закрыты для иностранцев, но это меня не пугало. Я должна была поехать туда и все увидеть сама.

– Это место вообще вне их территории, – твердила я в ответ на все возражения. – Поднимемся вверх по течению Лэрг-па – и даже границ почти не затронем…

Но все, знакомые с теми местами из первых рук, в один голос уверяли, что дело безнадежное. Сколь бы заманчиво ни выглядела эта река на карте, на самом деле она практически непроходима.

– Прекрасно, – отвечала я, – тогда зайдем с запада…

Но это, конечно же, означало Кафтлай, что в свою очередь означало Йелань, а желающих помочь мне тайно проникнуть в страну, из коей меня официально выдворили, да к тому же находившуюся с нами в состоянии войны, не находилось. Путь через саму Цер-нга также был закрыт.

Мы оказались в тупике.

– Проще всего подождать, – повторяли мне снова и снова. – Через пару лет воздушная война кончится, Цер-нга откроет границы…

Конечно, все эти предположения исходили из того, что воздушная война завершится в пользу Ширландии, и Йелань не оккупирует Цер-нга, перекрыв мне дорогу туда еще надежнее, чем местные власти. Подразумевалось также, что второй экземпляр, замеченный мистером Фу (если их вправду существовало более одного), все эти пару лет будет лежать на месте, не тронутый временем, а не свалится вниз, в долину, и не истлеет, подобно первому.

– Каким бы древним ни был тот, первый, – утешал меня Том, – пролежал же он в целости все это время. Нет причин полагать, что другой не переживет каких-то нескольких лет.

Стараясь сохранять оптимизм, он умалчивал еще об одном обстоятельстве, о коем оба мы не могли забыть ни на минуту: с тех пор, как мистер Фу нашел первый экземпляр, уже прошло больше года. И пройдет еще больше, прежде чем я доберусь до места, даже если отправлюсь в дорогу немедля. Возможно, шанс был уже упущен.

Нет, позволить себе поверить в это я не могла. Тут следовало цепляться за любую соломинку и действовать как можно быстрее. По крайней мере, если надежд не останется вовсе, я буду знать, что сделала все возможное.

Вот только как же добраться до места назначения?

Впрочем, все могло бы оказаться еще труднее. Если бы

мистер Фу обнаружил сей экземпляр на западной стороне гор, пришлось бы на каждом шагу прятаться от йеланских войск. Но границы Мритьяхайм с Кафтлаем его экспедиции исследовать не удалось: разразившаяся в тех краях эпидемия вынудила их повернуть назад и искать проходы с другой стороны. Вдобавок, указанная им область находилась так далеко от центра земель цер-жагов, что ее государственная принадлежность менялась в зависимости от того, чьей карте верить. На одних картах она принадлежала Цер-нга, на других – Кафтлаю, а значит, Йеланю, и в любом случае сие являло собою чистую фикцию, так как пограничные горы необитаемы.

Еще ни разу в жизни перед моим носом не появлялось столь лакомой приманки, путь к коей преграждало бы такое множество преград!

Сухайл наблюдал, как я мучаюсь над этой проблемой не день и не два, но наконец, однажды вечером, сидя со мной в кабинете, сказал:

– Пожалуйста, не пойми меня превратно, но… отчего ты так непреклонно туда стремишься?

Кто-либо другой мог и не понимать всей глубины моей одержимости драконами. Любой другой, но только не Сухайл. Он путешествовал со мной в самое сердце пустыни Джефи среди лета и знал, что рисковать здоровьем и жизнью ради знаний для меня не в новинку. Смысл вопроса заключался в ином.

– Ты спрашиваешь, отчего я так упорно добиваюсь этого, когда вокруг много других, куда более достижимых целей? Причем предоставляющих гораздо больше шансов расширить наши знания о драконах?

– Даже сам мистер Фу не уверен, что там, на седловине, есть еще один экземпляр. Он видел его только в бинокль, а не вблизи.

Все это значило, что я могу добиться своего, перевернув небо и землю, и все усилия будут потрачены впустую. Поднявшись с места, я зашагала из угла в угол (я делала это столь часто, что вытоптала в ворсе ковра отчетливую тропинку).

– В последнее время мой вклад в науку… – со вздохом сказала я. – Такое чувство, будто я не сделала ровным счетом ничего.

Сухайл изумленно поднял брови.

– А как же работа Общества в Куррате? Как же твоя переписка с драконоводами Байембе, твои…

– Да, письма, письма, письма… Просиживаю кресло, вкладываю в дело разум, но не душу. А сколько времени отнимают другие дела? Благотворительность, публичные выступления, советы другим. Конечно, все это весьма полезно…

Последнее было сказано вполне искренне, однако прозвучало резко, зло. Плечи поникли сами собой.

– Я не бывала в поле с тех самых пор, как мы с тобой открыли Сердце Стражей. Можно бы и поехать куда-нибудь –

хотя бы в Отоле, – но что я там буду делать? Какую решать задачу, кроме первичного изучения еще не исследованных видов драконов?

Сухайл поднялся и остановил меня посреди комнаты, положив руки мне на плечи.

– Изабелла… откуда эти сомнения? Раньше ты никогда не гнушалась первичных исследований, – с улыбкой, пытаясь хоть немного развеселить и меня, заговорил он. – Порой мне кажется, будто ты больше всего на свете любишь описывать характеристики или повадки, о коих еще никем ничего не напечатано.

На это ответить было нечего. Как объяснить свое беспокойство, непреходящее чувство, будто я должна, обязана совершить нечто грандиозное, иначе время уходит зря? Может быть, я настолько привыкла совершать впечатляющие открытия, что одна мысль об обычной научной работе не вызывает ничего, кроме скуки? Боже правый, если так, пора прикладывать лед к голове, пока пухнуть не перестанет! Удача и без того сопутствовала мне куда чаще, чем большинству ученых за всю их жизнь.

И тут мне все стало ясно. Без раздумий высвободившись из рук Сухайла, я развернулась и вновь зашагала по кабинету.

– Изабелла, – сказал он (негромко, но от того не менее горячо). – Ответь же!

Сознаваясь в этом, я не могла смотреть ему в глаза, но не

могла бы и промолчать. Я отвернулась к стене – вернее, к карте, усеянной значками и приписками, означавшими породы обитавших в данной местности драконов и местоположение драконианских руин, и, обращаясь к ней, сказала:

– Наверное, я завидую.

Последовало долгое молчание.

– Мне?! – наконец спросил Сухайл.

Судя по тону, он не мог поверить собственным ушам – и вполне понятно отчего.

– Нет, я не завидую твоей работе, – торопливо заговорила я, с силой сцепив пальцы перед грудью. – Не подумай, что я ревную тебя к ней – наоборот, за нее-то и за твою увлеченность я тебя больше всего и люблю. Однако…

Продолжить я не смогла. Пришлось Сухайлу заканчивать мысль за меня:

– Однако я добился в своей области науки немалых успехов, а ты сидишь здесь и отвечаешь на письма?

– Нет. Твои успехи ценят по достоинству, – пояснила я. Внезапно вырвавшаяся наружу горечь адресовалась отнюдь не ему, а мне самой, наконец-то осознавшей, в чем истинная суть моего беспокойства. – Твоя лекция состоялась в Кэффри-холле, а не в зале Общества Языковедов, не из-за того, что тебя там отвергли, а потому, что ты сам решил рассказать о результатах своей работы более широкой аудитории. А вот меня в Коллоквиум Натурфилософов не примут. Никогда.

Если только я не продолжу совершать открытия столь ве-

ликие, что даже этому табуну закоснелых узколобых ретроградов придется их признать. В то время я ни за что не произнесла бы подобного на публике, но про себя считала их именно таковыми. Однако, несмотря на все к ним пренебрежение… да, мне до сих пор очень хотелось вступить в их ряды.

Сухайл обнял меня, коснувшись щекой волос, и на сей раз я не стала высвобождаться из его объятий. Больше он не спросил ни о чем, а лишь прошептал:

– Что ж, если будет на то воля Господа, способ мы отыщем.

* * *

После этого вечера ни дня не проходило без раздумий о том, как достичь цели – то есть Мритьяхаймских гор. Я раздобыла более подробную карту, кнопками закрепила ее на стене и начала изучать рельеф нужного района с одержимостью, свойственной всякому скалолазу. Нельзя ли пробраться к седловине вдоль самого горного массива, отправившись в путь от его северных границ? Нет, заверил мистер Фу, если нам желательно прибыть на место в течение ближайших десяти лет. Тогда может, все-таки, с запада? Проскользнуть мимо йеланских войск и подобраться к седловине с другой стороны? И плевать, что рельеф местности с кафтлайской стороны мистеру Фу совершенно незнаком, а предприятие

сие выглядит чистым самоубийством! Нет, я еще не отчаялась настолько, чтоб рисковать собой ради столь ничтожного шанса, однако твердо решила не пренебрегать ни единой возможностью, какой бы невероятной ни показалась она на первый взгляд.

Пожалуй, поэтому-то ответ и нашелся однажды вечером, во время ужина, когда мой сын Джейк приехал из Мерриформа погостить.

Конечно же, я изложила ему ситуацию и представила его мистеру Фу. Первым делом Джейк, естественно, принялся настаивать, чтоб я взяла с собой и его.

– Оттуда до ближайшего моря – тысячи километров, – напомнила я ему, когда мы садились за ужин.

Джейк едва начал учебу в университете, но уже явно выразил намерение посвятить жизнь изучению морей и океанов: путешествие на «Василиске» произвело на него впечатление столь глубокое, что это оказалось неожиданностью даже для меня.

– Ничего, как-нибудь переживу, – с театральным вздохом ответил он. – Но Мритьяхаймы! Многие ли могут похвастать возможностью попасть туда?

– На одного меньше, чем ты надеешься.

– Ты же знаешь, что это только толкает меня на поиски способа, – ухмыльнулся Джейк.

– Ты слишком велик, чтоб поместиться в ее багаже, – заметил Сухайл. – И вряд ли сумеешь проникнуть на борт так,

чтоб она не заметила.

– Кроме этого, – со вздохом отнюдь не театральным, но обескураженным, добавила я, – мы пока даже представления не имеем, как туда попадем. Если дело и дальше пойдет с той же быстротой, к тому времени, как у меня появится план, ты достигнешь совершеннолетия, и помешать тебе я уже не смогу.

Нет, Джейк не зашел бы столь далеко, чтобы последовать за нами тайком, но об отыскании способа – если не для себя, то для нас – говорил вполне серьезно.

– А дядю Эндрю ты спрашивала? – сказал он.

К немалому удивлению всей нашей семьи, младший из моих братьев до сих пор служил в армии. Нет, она не сделалась страстью всей его жизни, однако придавала ей направление и цель (и вдобавок, осмелюсь заметить, дисциплинировала брата), и это было много более того, что он мог бы обеспечить себе сам.

– Да, я писала ему, но ведь он – всего лишь капитан. Не в его власти отправить в Цер-нга войска, чтобы расчистить нам путь.

Джейк погрузился в мрачные раздумья. В этот момент лакей подал суп. Мы с Сухайлом приступили к еде, но Джейк только бесцельно поигрывал ложкой, хотя обычно поглощал еду едва ли не до того, как тарелка касалась стола. Тревожный знак… однако прежде, чем я успела спросить, в чем дело, он громко захохотал.

– Говоришь, через земли Цер-нга не пройти? Так нужно пролететь над ними по воздуху!

Ложка выскользнула из моих пальцев и погрузилась в тарелку с супом до кончика черенка. Даже не пытаясь достать ее, я слепо уставилась в поверхность жидкости.

Пролететь над ней?!

– Извините, – сказала я.

Забыв про суп, а также про сына и мужа, лишь усмехнувшихся мне вслед, я отправилась писать письмо.

* * *

Мои отношения с военными властями Ширландии всегда были крайне неоднозначны. Невзначай сорвав их планы в Байембе, я помогла им на Кеонге; после чего при содействии Тома едва ли не силой вырвала у них должность, которой мне не желали давать, однако оправдала сие находкой в Лабиринте Змеев и открытием принципа лабильности развития. Благодаря мне Ширландия узнала, как предохранять драконью кость от распада, но я же выдала этот секрет иностранным державам; я финансировала первые попытки синтеза драконьей кости, но сама же вдохновила человека распространить информацию о результатах на весь мир… Конечно, утверждать, будто военные меня ненавидят, было бы преувеличением, но и любви ко мне они также отнюдь не питали.

Посему не добиться бы мне никакого содействия, если бы

не мой брат Эндрю. Да, как я и сказала Джейку, простой капитан особым влиянием в армии не пользуется, но однажды, в Койяхуаке, Эндрю спас жизнь одного человека. В то время полковник, ныне Сэмюэл Гумбольдт дослужился до генерал-майора и имел самое непосредственное отношение к едва зарождавшейся службе, которая через несколько лет, отделившись от армии, превратилась в Ширландские Королевские Военно-воздушные силы. Благодаря его дружеским отношениям с братом, мне удалось добиться аудиенции и изложить свое дело.

– Покажите, где это, – сказал Гумбольдт, выслушав меня до конца.

По выражению лица или тону голоса сложно было догадаться о его мыслях. Правда, на смех он меня не поднял, и я сочла это обнадеживающим знаком. Подойдя к большому столу, заваленному множеством бумаг, я развернула принесенную с собою карту. Вычерчена она была не столь подробно, как нам хотелось бы, – в те дни карты Цер-нга отличались скорее не точностью, а украшательствами, но эта, дополненная собственными наблюдениями мистера Фу, являла собой наилучшую из имевшихся.

– Вот здесь есть деревня, – сказала я, указывая на точку у подножия горного массива, по коему проходила граница обитаемых земель. – Мы надеемся, что туда возможно переправиться на целигере – или, если он не способен подняться так высоко, подлететь как можно ближе. Тогда мы сможем

обследовать окрестности седловины между этими двумя пиками.

Я ожидала, что генерал-майор спросит, какой от этого будет прок. Денежные затраты я готова была возместить – времена, когда для финансирования экспедиций приходилось клянчить пожертвования, навсегда миновали в тот день, когда мы объявили об открытии Сердца Стражей, однако содействия армии за одни только деньги не купишь.

Но Гумбольдт не сказал об этом ни слова. Вглядевшись в карту, он провел кончиком короткого толстого пальца вдоль границы горного массива, а затем устремил взгляд к белому пятну между нею и восточным краем Кафтлая.

«Интересно, – подумала я, – как высоко может подняться целигер?»

Ответ на этот вопрос представлял собою строжайшую государственную тайну. Во время своих полетов я никогда не поднималась на значительную высоту, но совершены они были на первых целигерах из натуральной драконьей кости, в те времена, когда искусство их строительства еще не достигло современного уровня. Вдобавок, и управление полетом присутствовавшие на борту представляли себе в лучшем случае смутно. А вот современный целигер с умелым пилотом на борту… его возможности оставались для меня полной загадкой.

Но это вполне можно было выяснить.

– Дело весьма опасное, – задумчиво проговорил Гум-

больдт, глядя на карту. – На таких больших высотах ветры очень сильны. Конечно, в небе, вдали от земли, целигеру ничто не угрожает, но при посадке и взлете судно может снести на склон горы.

Все это было сказано не в сослагательном наклонении, не в рассуждениях о том, что могло бы случиться, если бы целигеру лишь предстояло исследовать эти высоты. Выходит, кто-то когда-то уже летал на сем аппарате над столь же опасной местностью – возможно, даже в самих Мритьяхаймах, но, очевидно, не у западных границ Цер-нга, где необитаемые горы предоставляли целигеру и его пассажирам возможность проникнуть туда, где их не ждут.

Я крепко сцепила пальцы, не зная, что и сказать. Еще в те времена, когда нас с Томом наняли разводить драконов, у меня имелись сомнения, разумно ли позволять использовать результаты наших исследований в военных целях. Теперь же я, сама того не желая, заронила в голову Гумбольдта тактическую идею.

Тут можно было сказать, что со временем до этого кто-нибудь непременно бы додумался – если не сам генерал-майор, то еще кто-либо из военных или в правительстве, но сия мысль меня ничуть не утешала. Если и мы, и Йелань вели в Мритьяхаймах разведку, то рано или поздно хоть кто-то да обратил бы внимание на белое пятно на карте и задумался о его потенциале. В конце концов, не за этим ли самым отправили туда мистера Фу? Ну, а куда не добраться пешком,

вполне можно долететь на целигере…

Я понимала, что все это так… однако всерьез опасалась, что оказалась первой, кому пришла на ум такая возможность.

С другой стороны, у меня имелось нешуточное подозрение, что, даже если я откажусь от своих амбиций сию же минуту, целигер пошлют в Мритьяхаймы без нас. Подобно формуле консервации кости, идея Джейка стала новорожденным драконом, и запихать ее обратно в скорлупу было не так-то просто.

С глубоким вздохом я вспомнила любимую присказку Сухайла, гласившую, что его жена – самая практичная, но и самая безрассудная женщина на всем белом свете.

– Если армия готова рассмотреть такую опасную операцию, – сказала я, – мне нужно выяснить, что необходимо для экспедиции. Подобные вещи не планируются за один вечер.

* * *

Ни за один вечер, ни даже за целый месяц. Дело решалось значительно дольше, чем мне потребовалось на приготовления, и каждый потерянный день раздражал до глубины души.

Более месяца прожили мы меж раем и адом, не имея даже предварительного обещания, что нас попробуют доставить в Мритьяхаймские горы целигером. Несмотря на это, мы про-

водили большую часть времени в подготовке, зная, что, если проект получит одобрение, отбытие не стоит задерживать даже на час (ведь это предоставит военному начальству время еще раз подумать о разумности его решения).

Услышав о нашем плане, Том позеленел и естественный цвет лица обрел далеко не сразу. На целигере он летал всего один раз, когда Натали и ее друзья-инженеры впервые продемонстрировали на выставке свою экспериментальную модель (без использования драконьей кости). Утесы и вершины не пугали его ни в коей мере, но, как только земная твердь под ногами превратилась в эфемерную палубу из ткани и реек, от его обычного хладнокровия не осталось и следа. Джейк ткнул его локтем в бок, ухмыльнувшись с неукротимым озорством восемнадцатилетнего юнца:

– Как думаете, старина, справитесь?

– Об этом я стараюсь не думать, – буркнул Том (впрочем, довольно беззлобно).

Сухайл поднимался в небо и на наполненных горячим воздухом шарах, и на целигерах. Все это его ничуть не пугало; складка меж его бровей образовалась совсем по иной причине.

– Прекрасно, туда мы долетим, но как потом выберемся обратно? – сказал он.

– В случае крайней нужды пойдем пешком. Ну, а у цержагов принято высылать иностранцев из пределов страны, а не сажать их в тюрьму и не казнить, – со смехом ответила я.

Мое настроение серьезно улучшилось с тех пор, как Джейк подал эту идею. Неважно, что возможность была столь маловероятной: одна мечта о ней окрыляла дух. – Если нас поймают, это может даже упростить нам жизнь – лишь бы не до того, как мы закончим работу. Тогда у нас, по крайней мере, будут опытные проводники, которые покажут нам обратный путь.

Том глубоко вздохнул и сел попрямее.

– Кстати о проводниках. Фу говорит, что нашел тот экземпляр в четырех дневных переходах от деревни… как ее?.. Лам-це Ронг. Путь, если руководствоваться только наброском в блокноте, неблизкий.

– Он говорил, что экспедиция нанимала в деревне носильщиков. Думаю, эти люди должны знать, куда ходили йеланцы.

– При условии, что они все еще там, а не умерли или не подались куда-нибудь на заработки, – поморщился Том. – И при этом готовы опять наняться к иностранцам, а не решили, что к месту, где были найдены те останки, лучше никого не пускать.

Да, он был во всем прав, и после стольких лет дружбы я сразу поняла, к чему он клонит.

– Вы полагаете, нам нужно взять с собой мистера Фу?

Джейк, как обычно, качался на стуле (отучить его от сей привычки мне так и не удалось) и при этих словах едва не опрокинулся на спину, звучно грохнув об пол ножками сту-

ла.

– Этого йеланца?! Генерал-майор будет в восторге.

Я принялась медленно, по мере того как очередная мысль обретала ясность, размышлять вслух:

– Естественно, он заявит, что об этом не может быть и речи, так как они все еще не уверены в нем… или в гьям-су… но ведь нас будет трое, а Фу Пим-лат – только один. Это – не считая солдат, которых, без сомнения, пошлют с нами. Хорошо, допустим, он в самом деле замыслил что-то недоброе, но не оставил же там, на месте, ожидающую нас засаду! Хотя бы потому, что наше прибытие туда крайне маловероятно. Если йеланцы занимаются там чем-то, не предназначенным для наших глаз, то не послали бы его привлечь наше внимание, а если затеяли нечто подобное после его изгнания, мы с равной вероятностью наткнемся на них хоть с ним, хоть без него. Самая большая опасность состоит в том, что он решил завести нас в глушь, на погибель, из каких-либо тайных личных резонов.

– Ну, а погибнуть, – мрачно добавил Сухайл, – мы, опять-таки, в равной мере рискуем хоть с ним, хоть без него. В последнем случае, пожалуй, даже больше.

Здесь он ничуть не преувеличивал. Да, в последние годы мы немного занимались скалолазанием, но ныне оказались в положении тех, кто, едва научившись плавать по-собачьи в тихом пруду, задумал переплыть пролив, отделяющий Ширландию от Айверхайма. Мистер Фу значительно превосхо-

дил в опыте любого из нас.

– Можно взять с собой других скалолазов. Вот, например, мистер Брукер уже бывал в Мритьяхаймах… только ни он, ни кто-либо другой не знает нужных нам мест.

Я вопросительно взглянула на Тома с Сухайлом: ведь вверить свою жизнь незнакомцу предстояло не только мне, но и им.

Муж согласно кивнул.

– Без помощи нам все равно не обойтись, так пусть с нами будет человек, совершивший находку лично.

Я поднялась, подошла к столу и положила на наклонную доску чистый лист бумаги.

– Тогда для начала посмотрим, согласится ли он.

* * *

Фу Пим-лат воззрился на меня так, точно я повредилась в уме.

– Не так давно меня вывели с лекции, не дав ее дослушать, а вы доверяете мне такое дело?

– Не вижу причин для обратного.

Мистер Фу открыл было рот, но тут же закрыл его, словно возражений у него имелось так много, что они столпились в его горле и ни одному не удалось протолкаться наружу. Впрочем, сколько бы их ни было, я бы и слушать не стала.

– А что, если я не хочу возвращаться туда? – глубоко

вздохнув, спросил он.

– Тогда я спрошу, в чем причина.

Мистер Фу развел руками.

– Здесь я в безопасности – по крайней мере, насколько это вообще возможно. Вы просите снова вернуться туда, где моя жизнь и свобода окажется под угрозой.

– Большая часть маршрута пролегает в пределах видватских территорий, контролируемых Ширландией, а у Йеланя плацдарма на востоке пока нет. К тому же… Есть ли у них причины ожидать вашего возвращения в Цер-нга?

Мистер Фу отрицательно покачал головой, и я ответила на это лучезарной улыбкой.

– Тогда там вы, пожалуй, даже в большей безопасности, чем здесь – по той простой причине, что там никому не придет в голову вас искать. Хотя, должна отметить, риск попасть под лавину или камнепад в Мритьяхаймах, определенно, выше.

– Лавин и камнепадов я опасаюсь не более, чем они того заслуживают.

Это утверждение обнадеживало. Куда хуже было бы, объяви он, что не боится ничего: в горах человек, не боящийся ничего, очень скоро превращается в темное пятно на дне пропасти.

Между тем мистер Фу сделал паузу, поразмыслил, затаив дух, и задал последний вопрос:

– Если я откажусь, это повредит делу гьям?

– Нет, – ответила я.

Генерал-майор пока даже не подозревал, что мы хотим взять с собой мистера Фу, поскольку мы решили, что его помощью следует заручиться прежде, чем согласием властей. Однако в этот момент я пожалела, что мы не поступили наоборот: раскрой я сейчас всю правду о том, как обстоят дела, сие непременно заставило бы мистера Фу отказаться.

– Однако мое участие может помочь нашему народу.

– Да. Оно привлечет на вашу сторону тех, кто сочтет его знаком готовности к сотрудничеству. Но есть и другие, готовые заподозрить измену в каждом вашем чихе. Не могу поручиться, чья возьмет. Однако, если для вас это что-нибудь значит, я была бы рада видеть вас с нами. И не только потому, – поспешно добавила я, – что ваш опыт может оказаться полезен.

– Тогда почему? – с интересом спросил он.

В последний раз я звала в подобную экспедицию мужчину из-за того, что любила его. В случае Фу Пим-лата ответ был совсем не столь предосудителен.

– Потому что это вы нашли первый экземпляр. И заслуживаете того, чтобы быть с нами, когда – и если – мы отыщем второй и оповестим об этом весь мир.

Это было сказано совершенно искренне, без всякого расчета. Слишком мало зная мистера Фу, я не могла судить, насколько тронут его мои слова.

Невзирая на сие неведение, ответ попал в яблочко.

– Тогда я согласен, – сказал мистер Фу.

* * *

В тот самый день, когда разрешение на поездку наконец-то было получено, в моем кабинете состоялся еще один решающий разговор – на сей раз с сыном.

– Если ты возражаешь, – сказала я, – я не поеду.

Джейк изумленно разинул рот.

– Отчего бы мне возражать?

– Хотя бы оттого, что Мритьяхаймы – по всей вероятности, самый опасный регион в мире. Я не могу обещать, что вернусь оттуда живой.

Точно так же я не могла обещать вернуться живой из Зеленого Ада… но в то время я слишком тосковала по первому мужу, не говоря уж о стараниях заявить о себе как об ученом и избежать не очень-то желанной ответственности. Мало этого: я была так молода и наивна, что просто не смогла оценить степени предстоящего риска. Теперь-то я все понимала и где-то в глубине души была бы рада остаться дома, удовольствовавшись тем, чего уже достигла.

Однако в общем и целом душа моя отказывалась почивать на лаврах наотрез, и Джейк это понимал.

– Хотел бы, чтоб ты осталась, – давно бы так и сказал, – отвечал он. – Нет, мам, я знаю: тебя не переделать. Если останешься дома – будешь мучиться всю оставшуюся жизнь, га-

дать, что могло бы случиться и что ты могла бы узнать. Кроме этого, тебе ведь нужно сунуть что-то новенькое под нос этим…

Фразы, коей он описал джентльменов из Коллоквиума Натурфилософов, я приводить здесь не стану.

В глазах отчаянно защипало.

– Только не вздумай погибнуть, – добавил Джейк. – Или попасть под арест где-нибудь за границей. Арестов на родине вполне достаточно.

В глазах защипало сильнее прежнего.

– Такое случилось всего один раз, – сказала я.

Быть может, тон наш со стороны и мог бы показаться небрежным, однако оба мы знали, сколь глубоки скрывающиеся за ним чувства. Слегка шмыгнув носом, я обняла сына и спустя недолгое время покинула Ширландию. Впереди ждали высоты Мритьяхайм.

Часть вторая

в которой мемуаристка ищет гибели, но терпит в сем предприятии полную неудачу

Глава пятая

Вкратце о путешествии – База целигеров – Полет в Мритьяхаймы – Не слишком-то мягкая посадка – Третий целигер – Мы остаемся одни

В любых иных обстоятельствах одного путешествия из Фальчестера в Лам-це Ронг хватило бы, чтобы заполнить добрую половину книги. Экспедиция наша состояла из меня самой, Сухайла, Тома, Фу Пим-лата и некоего лейтенанта Чендлея, приставленного к нам Вооруженными Силами Ее Величества для помощи в восхождении на горы (главным образом, из-за недоверия к мистеру Фу со стороны военных). Путешествовали раздельно, небольшими группами, дабы с меньшей вероятностью привлечь к себе излишнее внимание: вместе трое ширландцев (в том числе одна дама), ахиат и йеланец производят впечатление пестроты, достойной начала избитого анекдота.

Покинув Фальчестер, мы, шаг за шагом, пересекли Дестанический океан и двинулись вдоль восточного побережья Дайцзина к Альхидре, а там погрузились на речные барки и отправились в глубь материка вверх по течению реки Махаянья. Там, на берегах Отца Видваты, одной из двух великих рек, в междуречье коих и расцвела древняя видватская цивилизация, я с радостью задержалась бы не на один месяц.

Подобно большей части Дайцзина, Видвата славится множеством обитающих в реках драконов, каковых туземные крестьяне весьма почитают и даже приносят им жертвы в надежде, что эти животные уберегут их от разрушительных наводнений и засухи. Особенно интересно было бы узнать, есть ли хоть толика истины в народных преданиях, гласящих, будто в Махаянье живут исключительно драконьи самцы, тогда как все самки обитают в реке Махаяни; вместе же, для брачных игр, те и другие якобы сходятся лишь раз в году, на праздник Свадьбы Рек. Все это, будь оно правдой, изумительно перекликалось бы с жизнью болотных змеев Зеленого Ада, где у мулинцев в обычае переносить отборных самцов для спаривания с матками к озеру под Великим Порогом. (Как выяснилось позже, предания оказались неверны: внешние различия между драконами двух этих рек обусловлены вовсе не половой, а видовой принадлежностью.)

Однако нас ожидала воздухоплавательная карета, и посему я продолжила путь, устремив все помыслы к западу. К несчастью для нас, в те дни Махаянья находилась под ширландским контролем лишь частично: уж очень людям этих земель не нравилось видеть одного из своих духовных предков во власти иноземцев (вот отчего ныне Ширландия не контролирует сию реку вовсе). Пришлось нам вновь высадиться на берег и огибать спорные территории по суше, что в скором времени потребовало переодеваний и множества лжи (как оказалось, от реки наша экспедиция удали-

лась недостаточно), ну а затем, после долгого оживленного бегства от разбойников, нападавших на всех проезжих без разбору, мы наконец прибыли в деревушку под названием Пар-ше. Однако эта часть путешествия, сколь бы ни увлекательным могло оказаться ее описание, была лишь прелюдией главных событий – то есть, полету к вершинам Мритьяхайм.

Здесь экспедицию повел за собой лейтенант Чендлей: один он среди нас знал, где расположена база ширландских целигеров. Мало этого: я ее местонахождения так никогда и не узнала, поскольку лейтенант отправился к базе один и вернулся в сопровождении солдат, после чего нам завязали глаза и повели наших лошадей в поводу. Могу сказать лишь одно: находилась она примерно в двух дневных переходах от Пар-ше, почти на границе с цер-жагами, дабы сократить перелет над закрытой территорией до минимума.

Мритьяхаймы были видны даже отсюда, издали.

Правда, не слишком детально, хотя мне говорили, будто в те дни, когда воздух действительно чист, вид приобретает такую четкость, что знающий человек может с уверенностью распознать все горные пики. Однако все то недолгое время, что мы провели в Пар-ше, воздух оставался настолько влажен, что горы казались всего-навсего расплывчатой темной массой на горизонте. В те дни я полагала, что вижу, где нам предстоит побывать, и любовалась открывшимся зрелищем. И даже не подозревала, что на самом-то деле это только краешек огромного горного хребта, известного топографам под

названием Дашават. Сами же Мритьяхаймы лежали дальше, за пределами зрения, и уходили в небо много выше, чем я могла бы вообразить. Сумей я разглядеть, что меня ждет, еще там, в Пар-ше… Нет, пожалуй, не отказалась бы от задуманного, ведь вся моя жизнь – сплошная история неспособности оценить опасность вовремя, пока еще не поздно повернуть назад, однако с полной уверенностью утверждать этого я не могу.

Вопреки обычным стандартам ширландских военных, база целигеров выглядела сляпанной кое-как, на скорую руку. Подозреваю, она была устроена временно, что и неудивительно: ближайший гарнизон находился довольно далеко, а надолго задерживать целигеры там, где их мог захватить противник, не следовало. Однако жизнь на базе била ключом, и первым, кого я увидела, оторвав взгляд от гор, оказался мой брат, Эндрю.

В мгновение ока спешившись, я бросилась ему на шею.

– Я подозревала, что встречу тебя здесь! Но точно мне никто ничего не сказал.

Эндрю от души, точно я была ему не сестрой, а братом, хлопнул меня по спине.

– Да-да, у всех рот на замке. Боятся шпионов и все такое. Но, конечно, я здесь: не мог же я отпустить самую любимую сестру в Мритьяхаймы, даже не попрощавшись!

Сия трогательная забота могла бы показаться несколько более трогательной, не назови он меня самой любимой сест-

рой. Поскольку я была его единственной сестрой, эти слова без всяких сомнений означали: ему от меня что-то нужно.

– Эндрю, – сказала я, – ты ведь не надеешься, что мы возьмем тебя с собой?

– Ну, я бы, конечно, не возражал, но… Эй, там! Осторожней неси!

С этими словами он метнулся прочь, дабы выбранить рядового, таскавшего наши пожитки недостаточно бережно. Да, сомнений быть не могло: без задней мысли братец никогда в жизни не стал бы проявлять столь великой заботы.

К несчастью для Эндрю, взять его с собой было не в моей власти. Включить в экспедицию еще одного человека несложно, если проделать путь к месту предстоит на лодке, верхом либо пешком, а съестные припасы не так ограничены. Целигер же – дело иное. Тут главный ограничивающий фактор – даже не место, а вес, а между тем все экипажи для дальних перелетов уступали брату в росте на добрых двадцать сантиметров. (Да, здесь армии пришлось поступиться требованиями уставов и активно вербовать на службу в новорожденные военно-воздушные силы тех, кого в иных обстоятельствах браковали, как чрезмерно субтильных.)

Судите сами: для доставки на место небольшой экспедиции из пяти человек потребовалось целых три целигера – ни один, ни даже два не увезли бы всех нас, нашего снаряжения, пилотов и все необходимое для самих целигеров, вроде топлива для машин и емкостей с несущим газом, сообщающим

воздушным судам способность подниматься в небо.

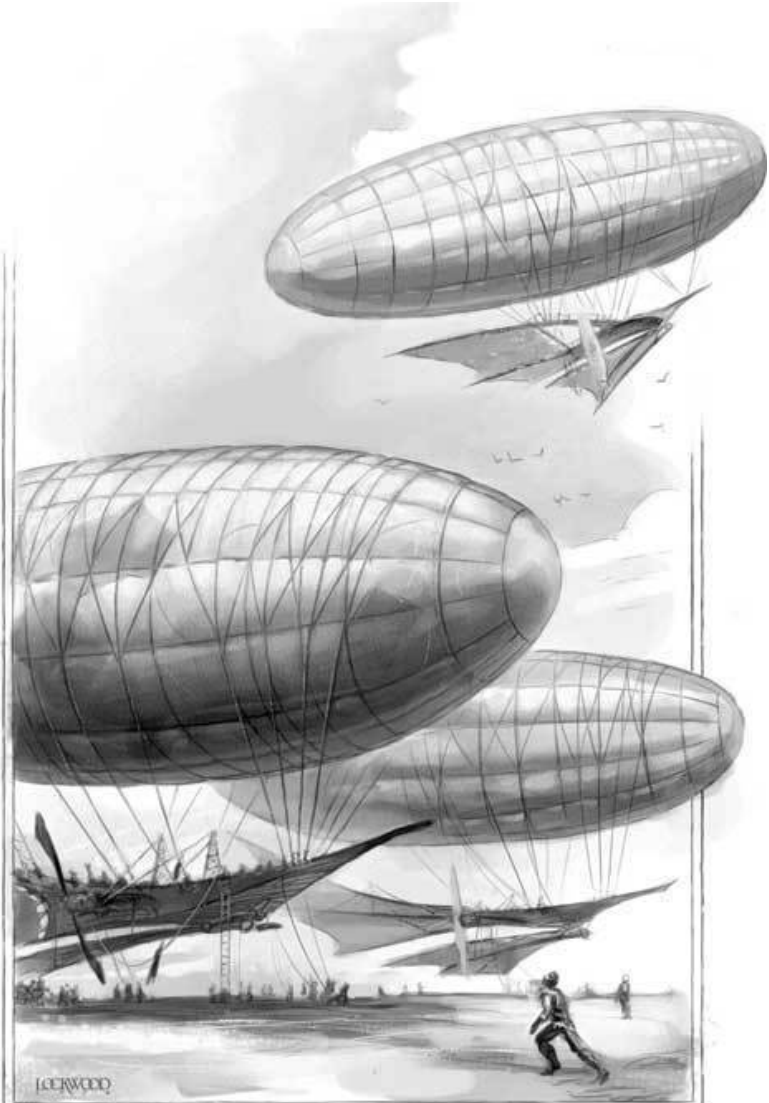
– Они что же, оставят нас в Цер-нга и двинутся прямиком на запад? – пробормотал Том, оглядев стройный ряд целигеров и оценив количество топлива в хранилище неподалеку.

Ответа никто из нас не знал и вряд ли узнал бы, спросив о том же кого-либо из военных.

Да, целигеры являли собою просто потрясающее зрелище. Какая жалость, что мир никогда не способствует развитию техники столь же эффективно, как война! Эти воздушные суда походили на целигеры, паривше над Немирным морем всего-то восемь лет назад, не более, чем современный фрегат похож на древнюю ладью-драккар. Те, первые целигеры были связаны проволокой из натуральной драконьей кости, опиленной, где возможно, и хитроумно подогнанной деталь к детали, вид имели довольно нелепый и для наших целей никак бы не подошли. Каркасы современных целигеров, сооруженные из синтетической драконьей кости, состояли из тоненьких реек и планок, а уж воздушные винты были куда длиннее и шире костей дракона любой существующей разновидности (позже мне объяснили, что это необходимо для полетов в разреженном воздухе больших высот). Все это выглядело вполне обыденно; на происхождение материала намекал лишь его характерный цвет.

Цвет этот подходил для постройки воздушных судов военного назначения как нельзя более удачно. Нижняя часть баллонов, днища гондол, предназначенных для экипажей, –

снизу все, что только возможно, до последней детали, было обесцвечено или выкрашено блекло-белой краской. В объяснении причин я, будучи натуралистом, не нуждалась: из-за такой окраски всякому, наблюдающему с земли, было бы весьма затруднительно разглядеть целигер на фоне неба. Ну, а верхняя часть баллонов, естественно, была расписана пятнами камуфляжа, дабы наблюдатель с другого целигера, имеющего превосходство в высоте, или тот, кто находился бы на горе, в то время как судно приземлилось в долину, не смог отличить его от нижележащей местности.


LOCKWOOD

Экипажи, чтоб переправить на место все необходимое, пришлось сократить до минимума. Наш багаж представлял собой колоссальную гору всякой всячины, возможно, превосходившую объемом снаряжение для всех моих прежних экспедиций вместе взятых (не считая разве что поездки в Выштрану, куда лорд Хилфорд прихватил множество вещей, предназначавшихся исключительно для комфорта и, строго говоря, отнюдь не необходимых). Конечно же, мы взяли с собой исследовательское оборудование, включая инструмент для раскопок экземпляров, находящихся подо льдом, и все, потребное для сохранения образцов. Запаслись также теплой одеждой, занявшей куда больше места, чем следовало бы, палатками, веревками, альпенштоками[4], снегоступами и прочей экипировкой для восхождений на горы, включая подарок от наших друзей-скалолазов мистера и миссис Уинстоу, весьма пригодившийся нам в будущем.

Но самый больший объем занимали съестные припасы, поскольку рассчитывать на покупку провизии и даже охоту не стоило. Полковник Дорсон, командующий базой, сделал все возможное, чтоб обеспечить нас цер-жагскими деньгами, но сумма оказалась не слишком значительной, а привлекать к себе внимание, расплачиваясь иностранной валютой, нам

[4] Длинный посох с острым металлическим наконечником и петлей для руки, предшественник ледоруба.

не хотелось. Кроме этого, предупреждал мистер Фу, у местных жителей могло попросту не найтись провизии на продажу: туземцы влачат скудное существование на скудной земле, и деньги им, в отсутствие возможности спуститься вниз, туда, где их можно потратить, и вовремя вернуться домой, ни к чему. Что до охоты… да, медведи в этих краях обитают, но самые распространенные крупные животные – дикие сородичи разводимых туземцами яков. Однако, вытесняемые с пастбищ своими домашними собратьями, встречаются они все реже и реже, а если нас угораздит по ошибке сократить поголовье домашнего скота, спасибо нам уж точно никто не скажет.

Оставалось надеяться, что взятых с собою припасов будет довольно. Планировали экспедицию со всей возможной тщательностью, поскольку два из четырех времен года в Цернга для работы особенно трудны: во-первых, недавно закончившаяся зима, во-вторых – период муссонов, ждавший нас впереди. В низинах это означает сезон дождей, однако в высокогорной долине, указанной мистером Фу, дожди обернутся обильными снегопадами. Между тем, благодаря скверной погоде во время морского плавания и приключениям по дороге к верховьям Махаяньи, мы заметно выбились из графика: по всем расчетам, нам следовало отбыть в Цер-нга в первых числах небулиса, а на дворе был почти гелис. Таким образом, до прихода муссонов оставался примерно месяц, а то и меньше. Но, даже если мы не успеем спуститься с гор до

начала снегопадов, провизии должно было хватить.

К несчастью для наших планов, все и дальше пошло вкривь да вкось. Вначале Дорсон недооценил вес нашего багажа, и после загрузки целигеров мы нашли распределение груза абсолютно неприемлемым, из-за чего погрузку пришлось повторить. Затем против нас обратилась погода – точнее, жаркие пыльные суховеи, грозившие засорить машины целигеров, если мы попытаемся отправиться в полет. Солдаты приняли надлежащие меры предосторожности, дабы уберечь машины от проникновения пыли, но, наконец-то вылетев в Цер-нга, мы убедились (на собственном горьком опыте), что сих мер предосторожности было недостаточно.

Хвала небесам, это случилось прежде, чем мы успели подняться в воздух хотя бы на сотню футов. Откажи машины целигера позднее – и мы оказались бы в отчаянном положении: пришлось бы нам садиться на территории видвати или цер-жагов и чиниться собственными силами. Но даже при сем везении нам пришлось пережить немало волнений, пока пилот вел целигер к земле. К тому же, сколь бы мягкой ни оказалась посадка, Том, бледный, будто пергамент, еле выбрался из гондолы и, дрожа всем телом, рухнул наземь.

Я опустилась рядом с ним на колени.

– Том, если для вас это так трудно…

Том скрипнул зубами и впился пальцами в землю.

– Нет, Изабелла, я назад не поверну. Все будет хорошо.

Я ничего не ответила. Оба мы понимали: это ложь.

Наконец Том покачал головой.

– Я надеялся, что обойдется без этого, но… ладно. Нет ли для меня каких-либо дел во время полета?

– Не думаю. Если пилотам потребуется помощь, ее вполне смогут оказать остальные.

Если уж четырех пар рук для этого не хватит, вряд ли пятая чем-то поможет.

Том поднялся на ноги, отряхнул ладони и колени.

– Тогда я просто выпью настойки опия. Лучше уж быть бесполезным в полете, чем вовсе не полететь.

Претворить слова в дело ему предстояло через два дня. После починки машин целигеры следовало заново загрузить, а груз еще раз распределить по-новому, причем большая часть нашего багажа оказалась на борту одного судна из трех, что мне не слишком-то нравилось. Эндрю помог Тому взойти в гондолу и спустился на землю, дабы помочь подняться на борт мне.

– Ты уверена, что я не могу полететь с вами? – спросил он.

В его голосе слышались разом тревога и зависть. Он словно бы опасался за мою жизнь и в то же время жалел, что пропустит великое приключение, согласно его фантазиям, ждавшее нас впереди.

Я не стала напоминать ни о том, что скалолаз из него еще хуже, чем из меня, ни о том, что у нас нет теплой одежды его размера, ни о прочих практических соображениях, а просто сказала:

– Полетев с нами, ты окажешься в самовольной отлучке, а я слышала, в армии на это смотрят неодобрительно. Кроме того, возможно, через пару месяцев тебе придется выкупать нас у цер-жагского правительства, так что ты нужен здесь.

Шутка, как я и надеялась, заставила его рассмеяться.

– Ты полагаешься на мою выручку в сложной дипломатической ситуации? Бог мой, тогда ты обречена!

Ответ был, прямо скажем, не из тех, что успокоили бы мои нервы. Но, несмотря ни на что, я была полна решимости не отступать. На следующее утро Сухайл, взглянув мне в глаза, спросил:

– Ну, как? Не передумала?

– Ни в коей мере!

В последний раз поцеловав мужа, я выпрямилась, расправила плечи и твердым шагом двинулась через лагерь к ожидавшему нас целигеру.

* * *

Да, летать по воздуху мне было не впервой, однако в глубине души очень хотелось опуститься на пол и съежиться в комок рядом с Томом: в подобных полетах мне бывать еще не доводилось.

На угнанном целигере мы с Сухайлом ни разу не набрали хоть сколь-нибудь внушительной высоты. К тому же полет проходил над открытым морем, где вокруг не было ни-

чего, грозящего столкновением либо помогающего оценить, насколько мы высоко поднялись. На сей раз мы прекрасно это понимали – тем более что судно было снабжено прибором под названием «альтиметр», предназначенным именно для измерения высоты, а старший пилот, некто капитан Адлер, постоянно сигналил двум остальным целигерам флагами, сообщая о намерении подняться или снизиться. Он пока не испытывал, каких предельных высот способен достичь целигер, однако летели мы весьма высоко – с тем чтобы скрыть свое появление от людей внизу.

С такой высоты все эти люди казались лишь крохотными точками – такими, что и не разглядишь, если об их присутствии не оповещает темная полоса стада яков, бредущего своей дорогой через горный луг. Видели мы и селения, но старались огибать их по мере возможности. Земля внизу поднималась и опускалась, поднималась и опускалась… но поднималась много чаще, чем опускалась, и нам приходилось снова и снова набирать высоту.

А впереди лежали горы.

Несмотря на все, известное мне о Мритьяхаймах, я представляла их чем-то сродни тем горам, что видела прежде, во время экспедиции в Выштрану. Представляла себе темные леса – и не ошиблась, думала о высокогорных лугах – и они, окаймленные снегом в местах, надежно укрытых от солнца, также имелись внизу в изобилии. Однако в Выштране горные пики казались лишь крохотными снежными шапками

над изобилием пышной зелени. Здесь же, в гористой части Цер-нга, жизнь тянулась вдоль долин, будто множество ветвящихся пальцев, отчаянно, точно боясь в любой миг утратить опору, цепляющихся за подножия гор. Над долинами высились колоссальные зубья изо льда, снега и сурового голого камня. Там и сям виднелись каменистые осыпи без единой травинки и перевалы, поднимавшиеся к стерильным, лишенным всякой жизни высотам и вновь спускавшиеся туда, где горы нехотя позволяют существовать человеку. Никогда бы не подумала, что такая холодная местность может напомнить мне Ахию… однако лишь там, в безводной Джефи, мне довелось видеть земли, столь равнодушные к моему присутствию. Погибни мы здесь, подобно многим – Мритьяхаймы и не заметят.

Чем выше мы поднимались, тем ближе, тем вероятнее казалась гибель. Дабы воздушные винты лучше захватывали разреженный воздух, подниматься слишком высоко не следовало, однако лететь низко означало отдаться на волю капризных ветров, сплетающихся среди гор в дьявольские узлы. В начале перелета капитан Адлер непринужденно болтал с Сухайлом, теперь же болтовня сменилась молчанием, порой прерываемым резкой, отрывистой командой подать другим целигерам новый сигнал, и Сухайл немедля спешил исполнить приказ. Глядя на руки пилота (подолгу задерживать взгляд на ближайших вершинах и склонах мне было не по силам), я отметила, как побелели костяшки его пальцев, креп-

ко стиснувших штурвал. Однако ж костяшки пальцев Тома, отчаянно цеплявшегося за поручни, так как целигер нередко рыскал из стороны в сторону, раскачиваясь под напором то и дело менявшегося ветра, были куда бледнее.

Я присела рядом.

– Может, дать вам еще настойки?

Том с явным усилием покачал головой.

– Нет. В конце концов, я тоже могу понадобиться, и очень скоро.

Да, на его месте и мне не хотелось бы одурманивать голову до полного ступора. Полет, со всей очевидностью, шел не по плану. Сидевший неподалеку Фу развернул трепещущую на ветру карту, нахмурился и что-то крикнул Сухайлу по-йелански.

Муж прокричал что-то в ответ. Слов я не разобрала, однако смысл их был ясен и по тону: что бы Фу ни сказал, Сухайла его слова не на шутку встревожили. Склонившись к капитану Адлеру, муж заговорил с ним.

– Что случилось? – спросила я, придвинувшись поближе.

– Нас отнесло слишком далеко к югу, – ответил Сухайл. – По крайней мере, Фу так считает – поди тут разбери, при такой-то карте… И с этим ни черта не поделаешь. Взяв курс на север, придется идти прямо против ветра, а для этого машинам на такой высоте не хватит мощности.

Зеленый ковер впереди заканчивался, упираясь в неприступную черно-белую стену – горный хребет, что привел бы

в восторг любителей скалолазания, но для нас, врежься мы в него с лету, означал неизбежную гибель. Внизу простирались западные окраины Цер-нга, редкие пастушеские поселения, считавшиеся подвластными королю цер-жагов лишь потому, что иных желающих объявить их своими поблизости не нашлось.

– И что теперь делать?

– Искать место для посадки, – ответил Сухайл. – Если получится.

Мои первые два полета на целигере завершились падениями. Сделав глубокий вдох, я напомнила себе, что другие, более поздние, закончились вполне благополучно. Оставалось надеяться, что и сегодняшний последует их примеру. Сердце, и без того трепетавшее в груди от высоты и разреженного воздуха, забилось чаще прежнего.

Целигер встряхнуло. Адлер выругался. Мне захотелось спросить Сухайла, далеко ли мы от места назначения, но я промолчала. Ответ все равно никакого значения не имел. Вначале нам следовало приземлиться, где возможно, – только после этого все прочие материи обретут хоть какой-то смысл.

– Вон там, – сказал Сухайл, указывая вперед.

– Вижу, – сквозь зубы буркнул Адлер.

Впереди простиралась каменная осыпь. Пологая, не слишком-то ровная, однако, выбирая между скольжением по сыпучему камню и риском повредить баллон о вершину де-

рева, наш пилот, естественно, предпочел бы первое. Единственная трудность заключалась в ее расположении: осыпь находилась впереди и выше. Чтоб приземлиться на нее, целигеру было необходимо еще раз набрать высоту.

Если бы не холодный разреженный воздух, я могла бы подумать, что вновь оказалась на Кеонгских островах: с той же слепой верой, как и в тот раз, сейчас я выполняла указания Сухайла и нашего пилота и помогала им всем, чем могла. Целигер задрал нос и начал подниматься, но не так быстро, как приближался, будто вырастая, склон горы впереди, а еще даже я могла видеть, что нас слишком сносит вправо.

– Если держать тот же курс, – крикнула я, – мы промахнемся!

– Терпение! – прорычал в ответ Адлер, не сводя взгляда с земли впереди. Большего внимания он мне уделить не мог.

Как только мы поравнялись с целью, порыв ветра, ударивший в борт, швырнул целигер в сторону, и борт гондолы врезался в каменистый склон с такой силой, что все мы попадали с ног. На миг мне, вопреки всякой логике, почудилось, что гондола вот-вот рассыплется на части, но, конечно же, сломать драконью кость не так-то просто.

– Трави газ! – выдохнул Адлер, с трудом поднимаясь на ноги.

Целигер волокло по наклонной каменной осыпи – частью вперед, частью вниз, и вскоре судно могло и вовсе миновать ее.

Сухайл подскочил к клапану первым. Движение целигера замедлилось, и я с облегчением перевела дух. Вскоре один из двух других целигеров опустился на склон чуть выше, однако второй пронесло мимо цели. Адлер беспомощно выругался ему вслед. Мы замерли на месте, затаив дух. Не прошло и минуты, как третий целигер скрылся из виду за гребнем возвышенности.

Естественно, тот самый, на котором находилась большая часть припасов и снаряжения. Но, если уж пострадать суждено было лишь одному из трех, я, безусловно, выбрала бы тот, на коем меньше людей.

Как самая легкая на борту, я выпрыгнула из гондолы с мешком и принялась набивать его щебнем. Однако стоило мне повернуться, чтоб передать добычу Сухайлу, как судно угрожающе дрогнуло и соскользнуло еще на несколько метров вниз. Много мешков пришлось наполнить, прежде чем целигер надежно утвердился на склоне.

Наконец оба целигера были надлежащим образом закреплены. К этому времени я так устала, что охотнее всего рухнула бы на камни и объявила, что мой день окончен, но ничего подобного мы себе, конечно же, позволить не могли. Лейтенант Чендлей немедля перешнуровал башмаки и заявил о намерении отправиться на поиски третьего целигера.

– Я с вами, – сказал Том, вскочив на ноги.

Очевидно, ему очень не хотелось сидеть без дела. Однако я не знала, много ли опия осталось в его крови, и крепко со-

мневалась, что ему стоит предпринимать нечто, требующее серьезных усилий, пока в голове не прояснится. Но от моих возражений Том отмахнулся:

– Теперь под ногами земля, и я в полном порядке. Кроме того, им может потребоваться медицинская помощь.

С последним спорить было трудно, а в доказательство своей способности отправиться на поиски Том взобрался на огромный валун неподалеку. Одного этого зрелища хватило, чтоб окончательно лишить меня сил: на такой высоте самая незначительная нагрузка крайне изнурительна, а воздушный перелет означал, что возможности для постепенной акклиматизации у нас нет. Подъем на валун дался Тому не без труда: яркие красные пятна, выступившие на его бледных щеках, свидетельствовали о сильном учащении пульса, однако опий, по всей видимости, ослабил хватку, и мы сочли возможным отправить его на поиски с Чендлеем.

Остальные – то есть мы с Сухайлом и четверо пилотов оставшихся целигеров – принялись осматривать воздушные суда на предмет оценки повреждений. Вскоре я с облегчением обнаружила, что весь ущерб ограничивается несколькими дырами в парусиновых бортах гондол – ни единой поломки, не поддающейся починке.

Помогая выкраивать заплаты из запасного куска парусины, я услышала, как Сухайл обратился к Адлеру:

– Каковы ваши дальнейшие приказы?

Ответом ему была тишина – если, конечно, не принимать

в расчет воя ветра, не смолкавшего ни на минуту до самого конца моего пребывания в Цер-нга. Тогда Сухайл заговорил вновь.

– Ну да, конечно, полученных приказов вам разглашать не положено, – со вздохом раздражения сказал он. Впрочем, возможно, то была просто одышка: говорить всем нам удавалось лишь короткими рваными фразами, так как легкие то и дело требовали новой порции воздуха. – Тогда позвольте сформулировать вопрос иначе: не лучше ли стравить газ из баллонов до конца? Со спущенными баллонами мы меньше рискуем оказаться замеченными.

– Нет, баллоны оставим наполненными.

Взятых с собою запасов несущего газа вполне хватило бы, чтобы наполнить все три баллона заново и лететь обратно на восток. Если старший пилот не желал их трогать, это могло означать лишь одно: военные намерены продолжать путь вперед – через Мритьяхаймские горы, или, по крайней мере, как можно дальше на запад. Но смогут ли они вернуться из разведки тем же маршрутом? Сомнительно. В таком случае, как же они доберутся домой? Это на нашем месте легко было шутить о сдаче цер-жагам с тем, чтоб нас взяли под стражу и препроводили к видватским границам. Да, мы не находились на дружественной территории, однако и войны с туземцами Ширландия не вела. А вот любое место, коего могли достичь целигеры, либо было негостеприимным до полной необитаемости, либо находилось в руках йеланцев. Если

пилотам не удастся найти и разграбить там вражескую базу снабжения целигеров, на обратный перелет надежд не останется. Целигеры – возможно, предварительно уничтожив – придется бросить и каким-то образом пробираться к границам более дружественных земель.

На мой взгляд, подобный план казался просто умопомрачительным – и, пожалуй, сие обстоятельство может сказать кое-что о моем темпераменте. Проникнуть во враждебное окружение ради новых научных открытий – это я вполне понимаю, но то же самое, предпринятое ради военного преимущества – по-моему, слишком уж страшно, пусть даже большинство сочтет последнюю цель гораздо более понятной.

Приземлись мы без затруднений, думаю, целигеры отправились бы дальше, едва починив порванные гондолы и выгрузив наше снаряжение. Однако пилоты, люди военные, не бросили бы товарищей так запросто. Да, задержкой (и сопутствующим оной риску быть обнаруженными) они явно были недовольны, и все же безропотно остались ждать возвращения Чендлея с Томом.

Спутники наши не возвращались до сумерек, наступающих в этих местах удивительно рано, пока солнце не скрылось за снежными зубцами на западе. Все тепло (на мой вкус, и до этого совершенно недостаточное) мигом исчезло из воздуха, как не бывало, и мы, посовещавшись, решили спуститься ниже, в более защищенное место.

Сидя на камне, я любовалась западным небом, все еще

озаренным солнечным светом, но словно бы рассеченным надвое черным лезвием гор.

– Даже если тот целигер и разбился, – заговорил Сухайл, присаживаясь рядом, – груз по большей части должен был уцелеть. Хотя разлетелся, наверное, чуть не до самой Ахии, так что собрать его будет нелегко.

Сейчас, задним числом, эти слова и мысли кажутся бессердечными. Да, на пропавшем целигере находилось почти все наше снаряжение, но также и капралы Вооруженных Сил Ее Величества Марбери и Лоу. Что сталось с ними? Однако пока судьба двух человек оставалась неизвестной, разговаривать о неживых предметах было несколько легче. И Том, и Чендлей имели немалый опыт в полевой медицине – если кто-либо ранен, они сделали бы все, что в их силах, дабы оказать ему помощь. Мы же, не имея вестей от них, не могли помочь ничем, а возникшие перед экспедицией трудности, по крайней мере, предоставляли нам хоть какую-то иную пищу для размышлений.

Не имея палаток, мы соорудили из камней и сухих веток импровизированное убежище, дабы укрыться от ветра и спрятать огонь костра от взглядов снизу. Воздух, несмотря на начало гелиса (для данного полушария – месяца летнего), был неприятно холоден. Ежась у крохотного костерка, я старательно гнала прочь все сожаления о том, что ввязалась в эту безумную затею, пока Фу не сказал:

– Вижу свет!

Покончив с сооружением укрытия, он оставался начеку и неотрывно смотрел в ту сторону, где исчез третий целигер. Мы повскакали с мест и устремили взгляды туда же. Действительно, вдали быстро моргал огонек. Вскоре он исчез, но почти сразу же заморгал снова. И снова.

– Это они, – с облегчением сказал один из младших пилотов. – Сигналят армейским кодом. У одного сломана рука, но оба живы.

Воистину, просто чудо, насколько разительно обстоятельства могут менять восприятие положения. Не стану утверждать, будто спала в ту ночь в тепле и покое, но, узнав, что остальные живы и относительно невредимы, почувствовала себя много лучше. Наутро, дождавшись рассвета, все четверо благополучно вернулись в лагерь.

Согласно сведениям Тома, багаж наш несколько помяло, однако ничего существенного не пропало.

– Значит, остаемся? – спросила я, обведя взглядом Сухайла, лейтенанта Чендлея и Фу. В собственных намерениях я не сомневалась, однако у нас был последний шанс изменить решение: еще немного, и мы останемся одни.

Все трое кивнули.

– Поскольку у одного из пилотов сломана рука, третьего целигера отсюда не увести, – сказал капитан Адлер.

Признаться, в сердце моем на миг затеплилась надежда, но логика тут же взяла свое и вернула меня с небес на землю. Оставить нам судно с запасом топлива и несущего газа воен-

ные никак не могли: слишком велик был риск, что целигер попадет в руки врага, а должным опытом его пилотирования никто из нас не обладал.

– По-видимому, вам надлежит его уничтожить, – констатировала я.

Сухайл сдавленно охнул. Каждый целигер стоил Ширландии колоссальных затрат сил и ресурсов, а я предлагаю попросту выбросить все это на ветер! Однако мои рассуждения он вполне понимал, как понимал и то, что я высказываю всего лишь предположения, догадки о логике военных.

– Кое-что заберем на запчасти, – сказал Адлер. – Но, в общем, да. И с этим нужно поспешить, пока нас здесь не обнаружили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.